

Редакционная коллегия—Батикян Г. Г. (ответ. редактор), Овнан Г.
(зам. ответ. редактора), Меликян О. М., Бунятян Г. [X.,
Мовсесян С. А., Нерсисян М. Г., Федоров А. А.

Подписано к печати 20/IX. 1941 г.
Объем 6 п. л. П. л. 46.800 уч. авт. зн. и 51.500 печ. зн.
Тираж 800. ВФ 9144. Заказ № 350.

Типография АрмФАН-а, ул. Ленина, № 67.

ВСЕМ АРМЯНАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Родные братья и сестры!

Германский фашизм—лютый враг человечества, преступный виновник нынешней войны, отдав огню и мечу культурные государства Европы, поработил их и подчинил своему кровавому режиму.

Свободолюбивые народы Голландии, Бельгии, Дании, Чехословакии, Югославии, Франции, Польши, Греции и других стран превращаются в бесправных рабов, разоряются их страны, уничтожается их культура, затоптана их свобода, их честь, сотнями и тысячами истребляются лучшие представители этих народов.

Втопанный в грязь и кровь, в тисках свастики изнуряется сам германский народ.

В завоеванных и оккупированных странах кровопиец Гитлер восстановил каннибализм, средневековый мрак и инквизицию.

Всему миру, всему прогрессивному человечеству стало известно неслыханное в истории цивилизованного мира вероломство фашистских правителей Германии, кровожадного Гитлера и его клики.

Изверг Гитлер совершил свое новое, самое подлое злодеяние—он напал на Советский Союз, на родину двухсотмиллионного советского народа. Советский Союз не хотел войны, он строго соблюдал верность международным договорам.

Народы многонационального советского государства, обретшие себе подлинную родину мира, свободы, счастья, в течение четверти века своим честным трудом превратили свою страну в богатое, культурное, могущественное государство, где все нации и народы равноправны.

В этой великой семье, как сказочный Феникс, из пепла и пламени возродился наш свободлюбивый армянский народ. Советская власть спасла наш народ от гибели и физического уничтожения. Нашим честным трудом, с помощью великого русского народа, Советская Армения превратилась в цветущий край. Страна покрылась сетью многочисленных первоклассных фабрик, заводов, электростанций и оросительных каналов; невиданного развития достигло сельское хозяйство, десятки тысяч гектаров цветущих садов и виноградников, хлопковых и табачных плантаций, сотни тысяч гектаров золотистых нив превратили нашу родину в страну развитого, культурного сельского хозяйства,—пустыни превращены в цветущие сады.

Сбылась вековая мечта нашего народа, осуществились чаяния его лучших сынов—Абовьяна, Налбандяна, Туманяна и других—о свободной родине.

Возродилась и достигла высшего развития многовековая культура нашего народа—десятки высших учебных заведений и научных учреждений, сотни музеев, свыше тысячи школ созданы в Армении за годы советской власти. Столица Советской Армении—Ереван, некогда глинобитный город, превращенный в полуразвалины при господстве дашнаков, был выстроен почти заново. Матенадаран, картинная галерея, филиал Академии наук, университет, консерватория, опера, театры, музей, библиотеки, больницы, асфальтированные проспекты, многочисленные парки и архитектурные памятники превратили нашу столицу в один из красивейших городов Советского Союза.

Лютый враг человечества и культуры, садист Гитлер протягивает свою кровавую лапу к свободе советского народа, к свободе возрожденного армянского народа, он хочет захватить наши земли, наши города и села, он хочет овладеть нашими богатствами, уничтожить нашу культуру.

Но гитлеровский план молниеносного удара по Советскому Союзу провалился в первую же неделю войны.—Красная Армия уничтожила лучшие дивизии фашистской армии и продолжает методически разбивать и изнувать гитлеровскую военную машину. Свыше миллиона немецких солдат уже нашли себе могилу на советской земле.

Вместе с братскими народами Советского Союза против кровавого фашизма грозной силой поднялся армянский народ. Наш народ в своей многовековой истории не раз выступал против иноземных захватчиков, но он никогда не был так един и монолитен, как сейчас. В нашем народе возродились героические традиции сасунских богатырей. Тысячи бесстрашных сынов Армении в рядах Красной Армии героически сражаются за Советскую родину и громят гитлеровские полчища.

Имена бесстрашных бойцов—сынов нашего народа, награжденных и отмеченных Советским Правительством—летчика Газазяна, майора Апресяна, лейтенанта Мелкумяна и других—прославляются по всему Советскому Союзу. В подвигах этих героев наш народ вспоминает образы своих доблестных полководцев—народных героев Вардана Мамиконяна, Геворка Марзпетуни, Давид-Бека и других, самоотверженно сражавшихся за родину, за честь, за свободу.

Пусть богемский ефрейтор Гитлер и его разбойничья фашистская банда вопят о том, что они несут с собой свободу. Мы хорошо знаем их „свободу“.

Свобода по-фашистски—это свобода кровавой своры Гитлера для превращения цивилизованных народов мира в вечных рабов немецких помещиков; свобода по-фашистски—это потоки крови, это виселицы, тюрьмы, концентрационные лагеря; свобода по-фашистски—

это издевательство над народом, это ужасы голода и бесконечных войн, это смерть наших детей.

Армянский народ за свою многовековую историю знает и перенес много нашествий иноземных полчищ, он знает, что такое резня, погромы, голод, насилие, он не один раз испытал их ужасы.

В нашей памяти еще свежо физическое истребление наших братьев и сестер, организованное предшественником кровавого Гитлера — кайзером Вильгельмом в годы первой империалистической войны. Мы не забыли ту подлую, предательскую роль, которую сыграли агенты германского империализма — главари дашнаков в истреблении нашего народа.

И сейчас, в эти роковые дни, отдельные продажные главари дашнаков нанялись в агенты фашизма, бесстыдно лижут кровавые сапоги Гитлера и готовы на любое предательство.

Наш свободолюбивый народ через величайшие лишения, через борьбу против вражеских захватчиков, ценою миллионов жертв высоко пронес знамя свободы и самостоятельного существования.

Сейчас наш народ в великой семье народов Советского Союза живет свободной и счастливой жизнью. Мы строим, творим, вносим свою лепту в сокровищницу мировой культуры.

Родные братья и сестры! Мы хорошо знаем, что каждый армянин, на какой бы части земного шара он ни находился, любит свою подлинную родину-мать — свободную Советскую Армению. Каждый армянин чает и стремится, ждет возврата в свой родной очаг.

В недавно присланной телеграмме редактор газеты „Драбер“ — органа Армянской Прогрессивной Лиги в Америке — Мартенц писал: „Орган Армянской Прогрессивной Лиги „Драбер“ с возмущением клеймит ничем не спровоцированное нападение нацистов на Советский Союз. Симпатии всех американских народов и американских армян на стороне советских народов и героической Красной Армии. Ваше дело правое. Американские армяне снова уверены, что наша родина-мать в семье Советского Союза выйдет победительницей. Желаем вам новых и новых успехов в вашей деятельности по обороне“.

Мы знаем хорошо, что на стороне Советского Союза симпатии всего передового человечества. Соглашение СССР с Великобританией о совместных действиях против гитлеровской Германии является лишь началом объединения всех прогрессивных сил человечества против фашистских варваров.

Армянская народная пословица говорит: когда змее надо подыхать, она ложится на дороге. Пришел последний день фашизма — фашистская гадина легла на нашей дороге, она будет раздавлена насмерть мощной лавиной многомиллионного советского народа.

Дорогие друзья! В этот час, когда над нашей родиной, над всем человечеством нависла грозная опасность, мы обращаемся к армянам всего мира, ко всем, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы свободы и гуманизма, ко всем,

кто озабочен будущим человечества, кто любит свою подлинную родину, — объединить свои усилия, чтобы предотвратить возврат к средневековью, уничтожению мировой культуры, что несет с собой озверелый фашизм, заклятый враг человечества, науки и культуры.

Мы обращаемся к вам с призывом объединить все силы на защиту Советского Союза, на разгром коварного и опасного врага всего человечества — на уничтожение фашизма!

Мы уверены, что победа будет за нами, ибо мы боремся за правое дело, мы победим безусловно потому, что против фашизма борется самая сильная, самая идейная в мире — Красная Армия, имеющая за своей спиной двухсотмиллионный советский народ, имеющая на своей стороне симпатии всего передового человечества, мы победим потому, что нас ведет величайший полководец и стратег нашей эпохи, лучший друг человечества, освободитель армянского народа **Иосиф Сталин**.

Мартiros Сарьян, Народный художник, лауреат Сталинской премии;

Аветик Исаакян, Поэт;

Вагарш Вагаршян, Народный артист республики, лауреат Сталинской премии;

Иосиф Орбели, Председатель Армянского филиала Академии наук, заслуж. деятель науки, академик;

Айкануш Данелян, Народная артистка СССР, солистка Госоперы Армении;

Манук Абемян, Профессор, заслуженный деятель науки;

Дереник Демирчян, Писатель-драматург, заслуженный деятель искусств;

Акоп Манандян, Заслуженный деятель науки, академик;

Симак Саакян;

Наири Зарьян, Поэт;

Армен Тигранян, Заслуженный деятель искусств, композитор;

Рубен Гянджунц, Заслуженный деятель науки, проф. Медицинского института;

Аро Степанян, Заслуженный деятель искусств, композитор;

Рацян Ачарян, Проф., д-р, заслуженный деятель науки;

Наталья Мартirosян, Инженер-гидротехник;

Армен Гулакян, Народный артист Арм.

ССР. Главный режиссер Госуд. оперного театра, драматург;

Константин Сараджев, Заслуженный деятель искусств, директор Госуд. консерватории, профессор;

Арсен Тертерян, Профессор Государственного университета, заслуженный деятель науки.

Геворк Ованесян, Заслуженный деятель искусств, директор Ереванской киностудии;

Самвел Сафарян, Член-корреспондент Академии архитектуры СССР, заслуженный деятель искусств;

Михаил Туманян, Заслуженный деятель науки, профессор Сельскохозяйственного института;

Ара Саркисян, Заслуженный деятель искусств;

Рубен Еолян, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, профессор Медицинского института;

Ваган Арируни, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, проф. Медицинского института;

Арташес Мелик-Адамян, Заслуженный деятель науки, доктор медицины, проф. Медицинского института;

Сирас Восканян, Секретарь союза писателей.

(„Правда“, 17 августа)

Армянский народ—боевой участник освободительной войны Советского Союза

Все народы Советского Союза поднялись, как один человек, на борьбу против ненавистного врага, против гитлеровской Германии, напавшей на советскую землю. На фронте плечом к плечу доблестно сражаются сыны всех народов великой советской страны. Наше многонациональное государство, все свободные народы Советского Союза проникнуты одной мыслью—грудью защитить нашу прекрасную родину, разбить и уничтожить врага.

Армянский народ твердо занимает свое боевое место в общей борьбе всех народов Советского Союза за свою независимость и свободу. Славные имена бесстрашных бойцов—летчика Газазяна, майора Апресяна и многих других сынов армянского народа, прославившихся своей беззаветной отвагой и мужеством на фронтах отечественной войны, известны всему Советскому Союзу. Армянский народ, как и все другие свободные и равноправные народы Советского Союза, воспринял нависшую над нашей страной смертельную опасность тем более глубоко, что он в своей многовековой истории не раз подвергался нападениям чужеземных насильников. Он знает, что такое резня, погромы, голод, насилия. Армянский народ не забыл физическое истребление армян, организованное предшественником кровавого Гитлера—кайзером Вильгельмом в годы первой империалистической войны.

Поэтому, когда кровавым пожаром вспыхнула война, начатая людоедом Гитлером против Советского Союза, весь армянский народ поднялся, как один, на защиту родины. Весть о вероломном, разбойничьем нападении на Советский Союз заставила чутко насторожиться также и тех сынов армянского народа, которые живут за пределами СССР. Все их симпатии, все их сочувствие на стороне Советского Союза.

Массовый митинг армян, проживающих в США, прислал советскому посольству следующую телеграмму: „Мы, американские армяне, чью родную страну защищает Красная Армия, чувствуем, что обязаны помочь Советскому Союзу в его борьбе до тех пор, пока фашизм не будет уничтожен во всем мире“.

Всколыхнулся, встрепенулся весь армянский народ. И поэтому нашло такой живой отклик опубликованное на днях в нашей печати обращение лучших представителей армянского народа ко всем армянам зарубежных стран.

В великой семье народов Советского Союза „как сказочный Феникс, из пепла и пламени возродился наш свободолюбивый армянский народ,—говорится в этом обращении.—Советская власть спасла наш народ от гибели и физического уничтожения. Нашим честным трудом, с помощью великого русского народа, Советская Армения превратилась в цветущий край..“

Армянам всего мира брошен клич:

„Дорогие друзья! В этот час, когда над нашей родиной, над всем человечеством нависла грозная опасность, мы обращаемся к армянам всего мира, ко всем, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы свободы и гуманизма, ко всем, кто озабочен будущим человечества, кто любит свою подлинную родину,—объединить свои усилия, чтобы предотвратить возврат к средневековью, уничтожению мировой культуры, что несет с собой озверевший фашизм, заклятый враг человечества, науки и культуры.

Мы обращаемся к вам с призывом объединить все силы на защиту Советского Союза, на разгром коварного и опасного врага всего человечества—на уничтожение фашизма!“

Этот призыв не остался без ответа. Он объединяет всех армян, готовых бороться за уничтожение нацистской тирании.

Немецко-фашистские полчища напали на советскую землю, чтобы превратить народы Советского Союза в бесправных рабов, чтобы разорить и разграбить нашу страну, разрушить национальную культуру и национальную государственность свободных народов Советского Союза, в том числе и армянского народа.

Не бывать этому никогда! Этому не допустят свободные народы советской страны. Против Гитлера поднялись и поднимаются все свободолюбивые народы. И к каким бы отчаянным усилиям и коварным приемам ни прибегал враг,—все его замыслы будут повержены в прах, все его удары будут отражены. Враг будет разбит окончательно и бесповоротно!

(„Правда“, 25 августа)

Гурген Овнан

Россия и армянская культура¹

(Краткий очерк)

I

В 1828 г. часть Армении была присоединена к России. Экономическое и политическое общение с передовыми центрами России быстро подняло ее экономический и культурный уровень.

Еще до присоединения Армении к России на русском языке была издана довольно обширная литература о прошлом и настоящем Армении, ее истории и географии. В 1809 году вышло в свет первое русское издание „Истории армян“ Монсея Хоренского, были изданы русско-армянские словари и т. д.

В 1815 году был основан в Москве Лазаревский институт, который дал ряд замечательных людей, сыгравших крупную роль в деле сближения восточных народов, в особенности армян, с русской культурой, а также распространения в России армянской культуры.

После присоединения Армении к России количество русских изданий об Армении и ее истории достигло крупных размеров. Во главе этого дела стояли Лазаревский институт и его лекторско-профессорский состав. Особенно большой успех среди этих изданий имели выпущенный Лазаревским институтом, под редакцией Сергея Глинки (брата знаменитого композитора), в трех томах „Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа“ (Москва, 1833—1838 гг.), и его труд: „Краткая история Армении“.

Проявленный армянским народом интерес к России и русской культуре также имеет свою далекую историю. Как известно, представители армянского народа, желая связать судьбу Армении с Россией, начали вести переговоры в этом направлении еще с Петром Великим². Следует, однако, отметить, что этот интерес к России принял более глубокий и организованный характер после присоединения Закавказья к России. Передовые сыны русского народа со своей сто-

¹ В предыдущем номере „Известий“ (5—6) в нашей статье „Великая культура великого народа“ мы говорили о великой русской культуре, о высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о мировом значении этой культуры.

В этой статье мы остановимся на роли передовой русской культуры в деле развития и процветания армянской культуры, литературы и искусства.

² См. Г. А. Эзов—Сношения Петра Великого с армянским народом. Изд. 1898 г.

роны также проявляют огромный интерес к Закавказью и Армении. Необычайно богатая природа Закавказья и своеобразный быт его населения привлекают к себе внимание блестящих светил русской литературы того времени. В 20—30 годах прошлого столетия посетили Закавказье Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и многие другие. В архивной и мемуарной литературе не мало замечательных фактов, говорящих, с какой любовью и уважением местное население встречало этих гениев. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов своим глубоко человеческим отношением к местному населению и своими ясными, популярными произведениями пробудили любовь закавказских народов к русскому народу и его великой культуре. Заслуживает внимания также одно характерное обстоятельство, а именно: знаменитая комедия Грибоедова „Горе от ума“ была представлена впервые в 1827 году в Ереване в присутствии автора. Это была первая и единственная постановка, которую Грибоедов имел счастье видеть. Характерно также то, что произведения Пушкина, еще при жизни его, были переведены на армянский язык („Бахчисарайский фонтан“, „Кавказский пленник“ и пр.). А в 1843 году в Москве были изданы на армянском языке произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича.

В деле пробуждения интереса и любви среди местного населения к русскому народу и его культуре имеют значительные заслуги высланные в Закавказье декабристы. Такие выдающиеся фигуры декабристского движения, как Кюхельбекер, Якубович, Пущин, писатель Марлинский, поэт Одоевский и многие другие, обрели покой для своей непокорной и мятущейся души среди кавказских народов.

Свободолюбивые сыны русского народа, в силу исторических обстоятельств, делились своими мыслями и чаяниями с кавказскими народами. Живое общение кавказских народов с этими титанами русской литературы и общественной мысли имело огромное влияние на умственную и общественную жизнь этих народов. Бесспорно, армянская интеллигенция нового периода получила от этого общения огромную зарядку.

Быстрый рост армянской культуры и литературы в этих новых условиях общественных отношений обусловлен еще одной важной причиной, а именно: очаги развития этой культуры не ограничились пределами Закавказья. Уровень экономического развития и экономических отношений в Закавказье и особенно в Армении не мог открыть для развития армянской культуры широких возможностей. Более быстрый рост армянской культуры в этих условиях объясняется также тем, что очагами развития этой культуры явились экономически и культурно развитые центры России, как, например, Москва, Петербург, Нахичевань н/Д, Казань и пр.

Таким образом, свою жажду в умственной жизни армянская молодежь удовлетворяла не в своей стране, где отсутствовали соответствующие возможности, а вне ее. В этом отношении весьма харак-

терно то, что в этот период и в последующие годы новейшая армянская интеллигенция всецело проходит через горнило русской культуры. Десятки и сотни студентов-армян обучались в русских университетах, институтах и пр. Эта именно интеллигенция основывает в разных городах России первые органы периодической печати русских армян.

В 1850 году в Тифлисе начал выходить в свет политический и литературный еженедельник „Арагат“ под редакцией Габриела Паткачяна; это было первое периодическое издание русских армян, выходившее на современном армянском языке „ашхарабар“. Спустя восемь лет, в 1858 году, под редакцией известного публициста Степана Назаряна, начинает выходить в Москве газета „Юсисапайл“ („Северное сияние“), которой было суждено сыграть крупную роль в общественной жизни армян. После „Юсисапайла“ армянская периодическая печать растет и развивается быстрым темпом. В разных городах России начинают выходить один за другим десятки новых газет и журналов.

С этого именно периода начинается новая полоса развития армянской общественной мысли. Литература, искусство и вся культура этого периода характерны тем, что они растут, развиваются под сильным влиянием великой русской культуры, русской общественной мысли.

Первой крупной культурной, литературной, общественной фигурой в армянской действительности первой половины XIX века является Хачатур Абовян (1805—1848). С него и начнем.

II

Велика и неопенима роль Абовяна в деле создания братской и нерушимой дружбы между армянским и русским народом. За глубокую любовь и симпатии, которые питала передовая армянская интеллигенция XIX века к русскому народу, к его культуре и литературе, мы почти всецело обязаны Абовяну. Абовян был первым армянским писателем, который поднял в 30—40 годах XIX века великое знамя дружбы между этими двумя народами. Именно Абовян, в условиях армянской клерикальной действительности, разъяснил народу, армянскому трудящемуся крестьянину, что от тяжелого персидского ига армянский народ может освободиться и встать на путь национального возрождения лишь при содействии русского народа, его вооруженных сил. Сам Абовян упорным трудом на протяжении многих лет изучал и великолепно знал русскую жизнь, историю русского народа, его литературу. Абовян в совершенстве владел русским языком и оценивал его весьма высоко.

В тридцатых годах прошлого столетия он подготовил „Новую русскую теоретическую и практическую грамматику для армян“, — весьма ценный научный труд, который, к сожалению, остается **неизданным до настоящего времени.**

Своим глубоко научным содержанием, охватом многих вопросов умственной жизни, своими теоретическими обобщениями эта работа являлась крупным шагом в развитии научной мысли того времени. Вот что пишет в предисловии к этой книге Абовян о русском языке: „А какой из восточных или из западных языков может в этом отношении споспешествовать нашей нации более всех, как не русский, которого польза и качества заставили и образованных народов нашего времени заниматься им, тем более армян, которые видят всю необходимость изучения его и чувствуют пользу, которую они могут извлекать из него...“ Сравнивая русский язык с целым рядом других языков, Абовян находит, что те не обладают „мягкостью и сладкозвучием русского языка“. На одной из последующих страниц того же труда Абовян определенно подчеркивает, что „русский язык один из обширнейших и необходимейших языков на земном шаре“.

В упомянутом труде Абовян с глубокой любовью и симпатией говорит о крупных представителях научного и литературного мира XVIII и начала XIX веков. Он много уделяет места в своей книге гениальному сыну русского народа, первому замечательному русскому поэту и ученому Ломоносову, говорит о Жуковском, Карамзине, Державине, Дмитриеве, Востокове, Грече и других, приводит в своей книге выдержки из их произведений.

„Новая русская теоретическая и практическая грамматика для армян“ является блестящим документом, который свидетельствует о глубоком знании русской жизни и о высокой оценке автором русской культуры, литературы и языка.

Самый крупный труд Абовяна, шедевр среди его произведений— это исторический роман „Раны Армении“. Этот роман—исключительное явление в истории нашей литературной жизни. Трудно определить в нескольких словах место и значение его в армянской действительности, в истории армянской общественной мысли. „Раны Армении“—это грозный крик протеста и борьбы армянского народа против мерзких деяний персидских деспотов, восточных феодалов. „Раны Армении“ блестящая страница борьбы армянского народа за свою национальную самостоятельность и независимость. Каждая страница в романе, каждая его строчка дышит патриотизмом и героизмом. Это—первый роман в армянской литературе из народной жизни, написанный на народном языке, выражающий его боевые традиции, вековые мечты и чаяния. Здесь нас занимает политическая и идейная сторона романа, а потому мы не останавливаемся на его крупных литературных достоинствах.

Главный герой романа Агаси, вышедший из гущи народа, восстает против феодальных порядков персидских деспотов. Со своими отважными товарищами он поднимает в ряде районов Армении знамя борьбы против персидских зверств во имя национальной независимости, во имя национального освобождения.

Продолжительная партизанская борьба с персидским деспотиз-

мом приводит Агаси и его товарищей к убеждению, что такой формой борьбы невозможно освободить народ; чтобы разбить оковы тяжелого персидского ига, необходима помощь другой, более сильной державы. Такой державой для Абовяна была Россия. „Россия—самое сильное государство в Европе“,—говорит Абовян.

Как раз в это время начинается русско-персидская война (1826—1828 гг.). Без колебаний присоединяется Агаси со своими товарищами к русской армии, оказывает ей большие услуги и вместе с ней победным маршем вступает в Ереван. Яркими красками передает Абовян в своем романе любовь и симпатии армянского народа к России и русскому народу. Армяне встречают русскую армию с глубокой любовью и сердечностью. Он благословляет вступление русских в Армению. „Да будет благословен час, когда благословенная нога русских вступила в страну армян и прогнала из нашей страны злой дух перса. Пока мы дышим, день и ночь мы должны помнить выстраданные нами дни, и, при виде русских, должны перекреститься, благословлять бога“... Абовян не забывает тяжелые дни, пережитые его народом под персидским игом. „Но что мы пережили, пока достигли этого счастья, сколько посыпалось пуль на голову нашей бедной нации, сколько мечей вонзилось нашему народу в сердце, как истекал он кровью, сколько раз мы были согнаны с наших насиженных мест, сколько погибло вельмож, кто в огне, кто под дубиной“...

Тяжелы были раны, нанесенные Армении и ее народу Персией. Абовян не может забыть этих ран, и это именно обстоятельство вызывает у него и у армянского народа такую глубокую любовь к русским. „Это—храбрая русская душа спасла нас“,—не раз повторяет Абовян в своем романе.

Абовян вспоминает нашествия иноземных государств на Армению, кровавые следы, тяжелую память, оставленные этими государствами в стране. И недаром он с воодушевлением отмечает, что „...Россия окончательно стерла оставленную этими странами память и подняла храбрость, великодушие, доброту, человеколюбие русских до небес“. Так мог охарактеризовать и возвеличить русскую душу лишь тот, кому была близка великая Россия, ее жизнь, ее культура. Таким именно был наш Абовян.

Тяга к России и русской культуре появилась у Абовяна еще в раннем возрасте, в те годы, когда он обучался в Нерсисян семинарии.

Абовян ставил перед собой единственную цель—учиться по возможности больше, приобрести большой запас знаний и культурных ценностей и все это поставить на службу народу. Абовян учился только лишь для того, чтобы быть полезным своему народу.

Он не мог не понимать, что пропаганда русской культуры в армянской действительности во всех отношениях целесообразна и диктуется жизнью, что овладение этой культурой необходимо для армянского народа более, чем какой-либо иной культурой. Эта необхо-

димось вытекала хотя бы из того, что Армения уже жила одной и той же государственной и политической жизнью с Россией. Вот где кроются истоки любви Абовяна к России, вот в чем основная причина русской его ориентации. И за очень короткий промежуток времени Абовян блестяще овладевает русским языком и вообще русской культурой. Не случайно Абовян пишет: „Русский язык—это наш государственный язык, мы должны ставить его выше всего“... С этим влиянием и направился Абовян в Дерпт.

В то время Дерпт входил в состав российской территории; а потом семья Паррот, в которой жил Абовян, питала глубокие симпатии к России, она даже была связана с русской государственностью,— обстоятельство, которое также нельзя игнорировать.

В Дерпте Абовян встречается с целым рядом видных фигур русской общественной мысли того времени. Отметим некоторых из них. Абовян с глубокой симпатией упоминает в своем дневнике встречу свою с представителем русской романтической поэзии Жуковским. Эта встреча с Жуковским и продолжительная дружеская беседа с ним глубоко взволновали и воодушевили Абовяна. Но вот встреча с другим представителем русского общества, с одной из крупных фигур русской реакции—Булгариным, произвела на него совершенно другое впечатление и имела иные последствия. В 1834 году Абовян решил написать статью, посвященную памяти поэта Аламдаряна. Аламдарян был одной из крупных личностей 20—30-ых годов XIX в., сыгравшей значительную роль в армянской действительности в деле пропаганды русской культуры. Он вырос в России и был пропитан духом русской культуры, был вызван из Москвы в Тифлис для руководства только что открывшейся Нерсисян семинарией. Абовян был учеником Аламдаряна и духовно был связан с ним, находился под его значительным влиянием. Аламдарян составил первый русско-армянский словарь, изданный в 1821 году. Статью, посвященную памяти Аламдаряна, Абовян хотел поместить в газете „Северная пчела“, редактором которой состоял Булгарин. На этой-то почве они имели серьезное столкновение и оскорбили друг друга. Об этом столкновении с Булгариным Абовян с волнением, в мрачных красках рассказывает в своем дневнике дерптского периода.

Многие студенты Дерптского университета, учившиеся вместе с Абовяном, органически были связаны с русской культурой. Что же касается товарищей Абовяна, то некоторые из них уже тогда делали попытки переводить произведения русских писателей и поэтов. Сам Абовян также дал в тот период значительное количество переводов. После дерптского периода своей жизни Абовян все более и более углублялся в изучение русской жизни, культуры и литературы. Он целым рядом весьма удачных переводов положил начало делу переводов из русской поэзии, которое в последующие годы с такой любовью и энтузиазмом продолжали крупные армянские писатели и поэты. Из русских поэтов Абовяном переведены произведения Карам-

зна, Крылов, Хемницера и ряда других авторов; в своих трудах он упоминает и приводит образцы из произведений Жуковского, Державина, Грибоедова. Часть переводов из произведений русских поэтов Абовян поместил в сборнике „Парап вахти хагалик“ („Досужее чтение“). В предисловии к этой книге Абовян пишет: „Переводы я сделал так, чтобы нашему народу они были по душе“. Как мы видим, эти переводы также преследовали определенную цель — ознакомить армянский народ с лучшими образцами русской поэзии того времени.

Абовян великолепно отличал русское чиновничество, болгарских от русских просветителей, и насколько велики были его протест и ненависть к первым, настолько была велика и безгранична его любовь ко вторым.

Абовян составляет лишь одно из звеньев нашего общего очерка и в этом кратком очерке невозможно исчерпать все то, что касается вопросов отношения Абовяна к русской жизни и культуре.

Абовян, как первый крупнейший писатель и ученый XIX века, как великий сын армянского народа и выразитель его жизни и стремлений, пророчески предвидел великую и решающую роль России в политической, экономической и культурной жизни Армении и в своих замечательных произведениях выразил ранний период великой дружбы между русским и армянским народами. В дальнейших разделах этого очерка читатель увидит, как начиная с Абовяна воспитывались и росли в лучших, передовых традициях русской культуры крупнейшие представители армянской общественной мысли.

III

Все явления, имевшие место в русской общественно-политической жизни в результате присоединения Кавказа к России, находили живой отклик также в кавказской действительности. Эти явления сыграли решающую роль в дальнейшей судьбе народов Закавказья. Неразрывно связав свою судьбу с судьбой многомиллионного героического русского народа, переживая одинаково с ним экономическое и политическое состояние, эти народы разделяли судьбу великого русского народа в его исторической борьбе за свободу, они получили возможность быстро встать на путь национального возрождения. В этом отношении весьма характерны отголоски великих движений русской жизни шестидесятых годов в армянской действительности и умственной жизни.

Шестидесятые годы были великими и знаменательными датами в истории общественной мысли России. Освободительное движение крестьян, быстрое развитие революционно-демократической мысли по всей России приняли широкий размах. Именно в начале шестидесятых годов Маркс в своем письме к Энгельсу говорил: „В России движение зашло вперед дальше, чем во всей остальной Европе. В пред-

стоящей революции Россия примет участие с большой готовностью¹.

После Белинского выступили на арену новые гении русской мысли, которым удалось вызвать глубокий переворот в русской общественной жизни.

Во главе с Чернышевским, Добролюбовым русская революционно-демократическая мысль выросла и поднялась до небывалой для России ступени.

Чернышевский, этот „великий материалист России“, как назвал его Ленин, стал вождем революционно-демократического движения. Передовыми представителями этого великого движения были: Некрасов, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Помяловский и многие другие.

В этот период за границей, в Лондоне, вела активную работу другая группа русского освободительного движения с участием Герцена, Огарева и многих других.

В этой именно обстановке, в огне борьбы Чернышевского и Герцена, выросла, оформилась и вместе с ними развернула активную деятельность одна из блестящих фигур армянской литературы, крупнейший представитель армянской передовой мысли XIX века Микаел Налбандян (1829—1866 гг.).

Микаел Налбандян — самый блестящий и передовой представитель армянской культуры, армянской общественной мысли XIX века. Ему было суждено за очень короткий промежуток времени своей литературной и общественной деятельности сыграть крупную и решающую роль в общественной жизни армянского народа. Заслуживают внимания горестные страницы его бурной жизни. Начальное свое образование он получил у известного арменоведа священника Габриела Патканяна. В возрасте 18—19 лет Налбандян стал ярким врагом армянского духовенства. Впервые из уст Налбандяна услышало армянское клерикальное духовенство острое, изобличающее слово, которого оно не слышало во всей своей вековой истории. И недаром по настоянию армянского духовного центра—Эчмиадзина наместником на Кавказе Воронцовым были предприняты серьезные гонения против Налбандяна. Видя, что армянское духовенство всячески пытается погубить его, прибегая к чудовищным интригам без разбора в средствах, Налбандян в 1853 году бежал в Москву, а оттуда в Петербург. Принявшись с большой энергией за самообразование, он сдал экстерном экзамены при восточном факультете Петербургского университета и получил должность преподавателя армянского языка в Лазаревском институте. Однако гонения со стороны Эчмиадзина не прекратились и, в результате темных интриг, Налбандян был арестован. Будучи освобожден через некоторое время из-под ареста, Налбандян как подозрительная личность, остался под надзором полиции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 117, изд. 1932 г.

По выходе из тюрьмы у Налбандяна начинается новый, более зрелый период жизни. Этот период характеризуется тем, что Налбандян энергично принимается за изучение общественных наук и одновременно серьезно следит за новыми явлениями в русской жизни. Благодаря своей неутомимой энергии за короткий промежуток времени Налбандян глубоко усваивает передовые идеи русской общественно-политической жизни того времени.

Поступив вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета, Налбандян, параллельно с естественными науками, упорно продолжает изучение гуманитарных наук. В эти годы он принимает участие в тех группах студенческого движения, общими идейными руководителями которых являлись Чернышевский и Добролюбов.

В 1858 году, под редакцией профессора Лазаревского института, известного публициста Степаноса Назаряна, в Москве начинает выходить в свет журнал „Юсисапайл“ на разговорном языке „ашхарабар“. Этот журнал ставил своей целью распространение передовых идей России и Европы в армянской действительности. С первого же дня выпуска „Юсисапайла“ Налбандян стал одним из основных и главных его сотрудников. И крупной ролью, сыгранной журналом в армянской умственной жизни, мы, несомненно, обязаны Налбандяну.

Внимательно следя за передовыми русскими журналами того времени, главным образом за „Современником“, используя их прогрессивные революционно-демократические идеи, вооружившись этими идеями, Налбандян часто, вопреки воле не только остальных сотрудников журнала, но и самого редактора, упорно проводил свои революционно-демократические идеи в журнале и давал тон общему направлению его.

В „Юсисапайле“ Налбандян печатал оригинальные и переводные стихотворения, статьи о языке, литературе, науке и о целом ряде вопросов политической и общественной жизни, переводил для журнала различные статьи. Словом, Микаел Налбандян являлся душой и двигателем „Юсисапайла“.

Для восстановления расстроенного здоровья и ознакомления с западной передовой мыслью Налбандян выезжает в 1859 году за границу, где посещает ряд центральных городов Европы, как, напр., Вену, Берлин, Гамбург, Париж, Лондон, Венецию и пр. Это путешествие имело огромное значение в деле расширения умственного горизонта Налбандяна, в понимании сложных общественных явлений и особенно в отношении нового размаха его дальнейшей революционно-демократической деятельности. Путешествие это дало Налбандяну возможность глубже проникнуть в дело изучения социальных и экономических наук, особенно материалистической философии.

Из заграницы он послал свой известный „Дневник“, который был помещен в ряде номеров „Юсисапайла“ за подписью Комс Эмануил. В октябре 1859 года Налбандян вернулся в Россию. В Петер-

бурге он поступил на восточный факультет университета вольнослушателем и успешно окончил его в 1861 году.

Из Петербурга Налбандян выезжает в свой родной город Нахичевань н/Д, а затем в Армению. Прожив несколько месяцев в Армении, Налбандян имел возможность ближе ознакомиться с тяжелым экономическим и политическим положением армянского народа. Его глубоко взволновали культурная отсталость, тяжелое материальное положение народа, его бесправное, рабское состояние. Налбандян видел, как армянское духовенство и ростовщики безжалостно эксплуатировали, обессиливали народ.

Из Армении Налбандян направляется через Константинополь в Париж, где сдает в печать свой известный памфлет под заглавием „Две строки“. В нем он разоблачает и бичует подлые проделки армянского духовенства, его обскурантизм, его уголовные проступки перед народом и пр. Он разоблачает и бичует реакционных деятелей армянской действительности Чамурчяна и Габриела Айвазовского. В „Двух строках“ Налбандян выступает как революционный демократ, как герой-боец, вооруженный русскими передовыми идеями. „Две строки“ говорят о глубокой любви Налбандяна к народу, о безграничной его преданности народу.

Смысл и цель своей жизни Налбандян видит в борьбе за освобождение народа. В „Двух строках“ он пишет: „Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Мы не посвятили свою личность и перо богачам. Под кучами своего золота они всегда неуязвимы и при власти тиранов.“

Но тот бедный армянин, тот эксплуатируемый, жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетенный не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством... вот этот армянин по праву и справедливости занимает наше внимание и опять-таки ему без минутного колебания мы посвятили все наши силы.

Защитить поправное право этого армянина — подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы добиться этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять оружие в руки и проповедуемую до сих пор свободу освятить нашей кровью.

Вот наша вера, в которой мы видим спасение нашей нации“.¹

В январе 1862 года Налбандян знакомится за границей с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Начинается новая, более бурная полоса революционно-демократической деятельности Налбандяна. Знакомство Налбандяна с этими виднейшими фигурами русского революционного движения шестидесятых годов имело огромное значение для его дальнейшей революционно-демократической деятельности. Между Герценом и Налбандяном устанавливается сердечная дружба.

Налбандян увлекается работой „Лондонских пропагандистов“,

¹ М. Налбандян. Сочинения, т. II, стр. 283, 1906 г.

принимает активное участие в их революционно-демократической деятельности.

„Лондонские пропагандисты“ с своей стороны, особенно Герцен и Огарев, видели в лице Налбандяна в высшей степени честного, правдивого человека, всецело преданного делу революции. В своих беседах и письмах они говорят о Налбандяне с глубокой любовью и симпатией.

В письме к И. С. Тургеневу от 11 апреля 1862 года Герцен представляет ему Налбандяна с особой оценкой: „Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший доктор медицины и армянин Налбандов. Прими его мило, он вполне заслуживает“¹.

При отъезде Налбандяна в Россию Бакунин, в числе прочих поручений, просит его оказать всяческое содействие выезду его жены из Сибири в Петербург, а затем в Лондон. Герцен в душе был против этого плана Бакунина и всячески старался удержать Налбандяна вдали от Бакунина, так как опасался, что участие Налбандяна в переезде жены Бакунина повредит Налбандяну.

В своем письме к И. С. Тургеневу от 21 апреля 1862 года это свое стремление—удержать Налбандяна вдали от Бакунина—Герцен сообщает также и даже просит Тургенева с своей стороны предостеречь Налбандяна: „Налбандов—очень и очень честный и хороший человек. Не вели ему возить сюда жену Бакунина. Прилагаемое письмо отдай Налбандову, если он не уехал. Если уехал, привези его с собой“².

Через Герцена и Огарева Налбандян близко знакомится также с работавшими в России революционными демократами, устанавливает с ними связь для совместной работы. В своих письмах в Россию Герцен часто упоминает о Налбандяне. В этом отношении интересно письмо Герцена к Н. Т. Серно-Соловьевичу от 20 июня 1862 года, в котором он пишет о Налбандяне следующее: „Поклонитесь ему—это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его“³.

Не только Герцен говорит о Налбандяне с такой любовью и исключительной симпатией. В том же письме Герцена к Серно-Соловьевичу Огарев пишет о Налбандяне: „Налбандов—золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости“⁴.

Что же касается Бакунина, то он во многих своих письмах высказывает свое восхищение Налбандяном. Приведем лишь один пример. В своем письме к невестке от 16 июня 1862 года Бакунин пишет: „Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек—весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза. Вот И. С. Тургенев, например, другое

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XV, стр. 105, изд. 1920 г.

² А. И. Герцен. Избран. сочинения, стр. 484, изд. 1937 г.

³ А. И. Герцен. Полное собр. сочин., т. XV, стр. 219, изд. 1920 г.

⁴ М. Лемке. Очерки освобод. движ. 60-х годов, стр. 22, изд. 1908 г.

дело—он также очень добр, да бог и знает, что бог. Он и умен и любезен, да помнит себя—нет той святой простоты, что в Налбандове¹.

И. С. Тургенев так же, как и Герцен, Огарев, Бакунин, в своих письмах говорит о Налбандяне с исключительной любовью и симпатией. Такое отношение Тургенева к Налбандяну видно, например, из письма Бакунина.

Вот что пишет Бакунин Налбандяну в письме от 24-го апреля 1862 года: „Я, мы все очень рады, что вы так полюбились старому Тургеневу, а так как чувства всегда бывают взаимны, то и он, без сомнения, вам полюбился не менее.—Я получил его письмо и буду отвечать сегодня вечером“².

В этих благоприятных условиях общения с русскими эмигрантами Налбандян посвящает себя всецело русскому освободительному движению, в котором видит он спасение своего народа.

В мае 1862 года, под псевдонимом Симен Маникян, в Париже выходит в свет труд Налбандяна „Земледелие, как верный путь“. Это один из самых ценных теоретических трудов Налбандяна. Ряд теоретических мыслей в труде Налбандяна вытекал из общих идейных принципов Герцена и вообще „Лондонских пропагандистов“. С этим трудом Налбандяна и его содержанием были знакомы Герцен, Огарев, Бакунин и другие его единомышленники в Лондоне. Значительная часть экземпляров „Земледелия“ была послана в Лондон для того, чтобы оттуда вместе с „Колоколом“ нелегально отправить в Россию для распространения.

Велика роль Налбандяна в армянской действительности. Он сумел своей революционной деятельностью и замечательными произведениями поднять армянскую общественную мысль на новую ступень развития. Жизнь и деятельность его совпали с таким замечательным историческим периодом, когда развивали свою деятельность Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Некрасов, Щедрин, Огарев и ряд других представителей русской революционно-демократической мысли. В результате исторически сложившейся обстановки Налбандян стал соратником этих знаменитых деятелей и разделил их участь. Вооруженный теми же революционно-демократическими идеями, Налбандян повел беспощадную борьбу почти во всех областях армянской общественной жизни. Налбандян обладал крупной эрудицией и глубокой научной мыслью. Он писал по вопросам политическим и общественным, по многим вопросам языка, религии, философии, истории, литературы. Налбандян оставил нам в наследство прекрасные стихотворения и сочинения в прозе. Во всем этом многообразии своего творчества Налбандян сохранял высокое звание великого революционера и демократа.

Среди трудов Налбандяна его „Критика“ занимает исключи-

¹ М. Лемке. Очерки освобод. движ. 60-х годов, стр. 124, изд. 1903 г.

² Там же, стр. 76.

тельное место. Подвергнув роман П. Прошяна „Сос и Вартитер“ глубокому анализу, Налбандян, путем блестящего применения критических методов Чернышевского и Добролюбова, показал значение и ценность этого романа в истории армянской литературы. Эта критика дала Налбандяну возможность развить одновременно свои взгляды по вопросам литературы и искусства.

Известно, с какой страстностью защищали произведения гениального Гоголя Белинский, Чернышевский, Добролюбов и вообще группа „Современника“. Налбандян, также высоко ставя изобличительный критический реализм Гоголя, в своей „Критике“ говорит об одном написанном под влиянием Гоголя армянском романе, продолжение которого цензура не разрешила печатать в журнале „Юсисапайл“. Это был роман студента Московского университета Г. Тер-Ованнисяна „Тер-Саркис“. Вот что пишет Налбандян об этом романе: „Если когда-либо будет закончен этот недоконченный труд в том же духе и с таким же искусством, то он займет в нашей новой литературе такое же место, какое заняли в русской литературе „Мертвые души“. Пусть примет нашу искреннюю благодарность армянский Гоголь, которому желаем блестящую будущность“¹.

Как Чернышевский и Добролюбов, Налбандян превратил свою литературную критику в орудие пропаганды своих революционных идей, в средство пробуждения общественного сознания трудящихся масс. Он сумел поднять эти массы на борьбу за политическую свободу, против эксплуатации и угнетения.

Литература служила Налбандяну оружием борьбы и он своими блестящими произведениями показал, как надо использовать это оружие. Каждая статья, каждое стихотворение Налбандяна взрывались, как бомба, в болоте армянской действительности. Недаром клерикально-реакционная армянская печать не разбиралась в средствах для того, чтобы закрыть „Юсисапайл“ и заставить Налбандяна замолчать. Велика роль поэта Налбандяна в истории армянской поэзии. Он был истинным поэтом-гражданином, певцом, борющимся за свободу. Вот как воспевает Налбандян идею свободы в своем прекраснейшем стихотворении „Песнь о свободе“:

„Свобода!—воскликнул я! Пусть над моей головой гремит гром и сверкает молния, огонь, меч. Пусть враг кует свои козни,—я до овра смерти, до виселицы, позорного столба буду все кричать, повторять—свобода“².

Налбандян заложил фундамент революционной политической поэзии в армянской литературе. В этом отношении совершенно справедливо литературатор Георг Брандес, когда в своей книжке, изданной в 1906 году, пишет, что „Налбандян дал армянскому народу его песню свободы“³. Дальнейшее развитие армянской революционно-де-

¹ М. Налбандян. Сочинения, т. III, стр. 120, изд. 1940 г.

² Дословный перевод.

³ Георг Брандес. Армянский вопрос, стр. 20, изд. 1906 г.

мократической поэзии характерно тем, что она развивается под непосредственным влиянием Налбандяна. Налбандян переводил также лучшие образцы русской поэзии. Из Пушкина он перевел „Черкесскую песню“, „Поэт“, из Лермонтова „Пророк“, „Спор“, „Ветка Палестины“ и т. д.

В лице Налбандяна мы имеем яркий образ истинного писателя. Он любил свой народ и всю свою жизнь целиком посвятил великому делу его. Он верил в силу народа, в победу народа в его борьбе.

Налбандян видел освобождение и спасение армянского народа в освобождении великого русского народа и он вместе с великими сынами русского народа повел борьбу и пал на тернистом пути русского освободительного движения. Этот путь освещен великими и светлыми именами и среди них занимает свое почетное место имя Микаела Налбандяна.

IV

Одним из выдающихся поэтов шестидесятых годов был Смбат Шахазиз (1841—1907). Он родился в селении Аштарак (Армения). В 1852 году С. Шахазиз уезжает в Москву, поступает в Лазаревский институт; окончив институт, он остается в нем в качестве преподавателя языка и литературы. Вся жизнь Шахазиза протекла в Москве. Он вырос, оформился как поэт в русском литературном мире. Блестяще овладев русским языком, Шахазиз следит со вниманием за всеми явлениями в русской литературе. Литератор Юрий Веселовский в своем труде о Смбате Шахазизе определенно подчеркивает органическую связь Шахазиза с русской литературой. Он пишет: „Мало есть армянских писателей, жизнь и деятельность которых были бы тесно связаны с русской действительностью“¹. Это замечание о Шахазизе совершенно верно. Прожив вдали от своей родины 55 лет, он лишь один раз посетил свое родное село. Все эти годы Шахазиза протекли целиком среди русской действительности. „Лучшие стихи его,—пишет Ю. Веселовский в упомянутом своем труде,—написаны в Москве и ее окрестностях. В своих произведениях он упоминает о Пушкине, Лермонтове, Крылове, Фонвизине, Карамзине, Шишкове, „Современнике“ и „Русском Вестнике“ шестидесятых годов и т. д.“² Сам Шахазиз не отрицал влияния русской литературы и вообще русской культуры на его произведения: считая это обстоятельство положительным явлением, он сам отмечал его. На вопрос о том, какое оказало влияние на его произведения русская литература, Шахазиз отвечает: „Нечего и говорить, что на меня, как и на все мое поколение, оказали сильное воздействие эпоха великих реформ и ее отражения в русской умственной жизни. „Скорбь Леона“, где обличаются темные явления армянской действи-

¹ Ю. Веселовский. Армянский поэт Смбат Шахазиз, стр. 11, 1905 г.

² Там же, стр. 16.

тельности и высказываются мечты относительно ее возрождения, в значительной степени создалась под влиянием того воодушевления, которое было вызвано освобождением крестьян. В товарищеском кругу я принадлежал к числу тех молодых людей, которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, напр., за „Современником“, и затрагивавшимися в них вопросами... Из „Современника“ 1859 г. взят эпиграф к одной из песен „Скорь Леона“. ...прочитанное мною стихотворение Добролюбова „Милый друг, я умираю“ внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти также, но далее носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян¹.

Эти строки Шахазиза блестяще свидетельствуют о том, как передовая армянская интеллигенция того времени, во главе с Налбандяном, была связана с передовыми движениями русской умственной жизни шестидесятых годов. Самое важное в приведенных выше строках Шахазиза—это упоминание о „Современнике“, за которым „всего усерднее следил“ Шахазиз. Как известно, „Современник“ шестидесятых годов был самым передовым революционно-демократическим журналом в России. Это было в тот период, когда „Современник“ возглавляли Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и другие революционные демократы.

Шахазиз был прав, когда он считал, что русская литература и общественная мысль оказывали свое влияние не только на отдельные личности, но и „на все поколение“ его. Это очень важное обстоятельство. Оно подтверждает именно ту нашу мысль, что армянская культура, литература и искусство XIX века действительно развивались под влиянием русской культуры.

Зрелый период своей жизни Шахазиз также начал на страницах „Юсисапайла“.

Появляющиеся в „Юсисапайле“ статьи Налбандяна, насыщенные революционной страстностью, оказали огромное влияние на молодого поэта Шахазиза. Правда, Шахазизу не удалось подняться до уровня революционно-демократической мысли Налбандяна, но все же большое влияние последнего на Шахазиза очевидно.

В 1865 г. в Москве вышел в свет об'емистый сборник произведений Шахазиза. В него вошли известная поэма его „Скорь Леона“ и ряд лирических стихов. Тема этих стихов—любовь к родине, размышления о жизни и смерти и пр. В сборнике был помещен с некоторыми изменениями и дополнениями также перевод стихотворения Добролюбова „Милый друг, я умираю“. Но важное значение в сборнике имела „Скорь Леона“. Эта поэма представляла одно из важнейших явлений в армянской литературе и недаром в то время она стала центром внимания литературного мира. Затронутые в поэме

¹ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 14—15, 1909 г.

общественные вопросы были весьма свежи в политическом отношении. Поэма начинается известными строками из „Героя нашего времени“ Лермонтова: „Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины“. Вооружив героя своей поэмы Леона идеями шестидесятых годов, Шахазиз переводит его на родину. Леон был образованным человеком, он отправляется на родину с серьезными планами, намереваясь преобразовать и просветить ее. Выезжая из Москвы, он берет с собой „вдохновенные песни“ Гейне и Беранже, „Фауст“ Гете, „Чайльд-Гарольд“ Байрона, трагедии Шекспира и наряду с этими произведениями—„несколько песен нашего знакомого Комса“ (т. е. Налбандяна). На страницах этой поэмы Шахазиз говорит о Комсе (Налбандяне) с теплой симпатией. Не случайно, конечно, то, что наряду с великими мировыми произведениями Леон Шахазиза везет с собой на родину также боевые революционные песни Налбандяна для того, чтобы будить и просвещать свой народ.

В той же поэме Шахазиз говорит об итальянском освободительном движении, упоминает о Джузеппе Гарибальди и других. Как мы видим, герой Шахазиза Леон едет к себе на родину не на отдых, а с определенной целью, с определенной общественной миссией.

Леон застаёт свою родину в тяжелом и безотрадном положении. Отсталость, невежество и предрассудки, царившие в народе, тяжелое экономическое и политическое положение страны, разорение и разруха, насилие, гнет и эксплуатация,—все это глубоко волнует Леона. Он с горечью проповедует просвещение, культуру, выдвигает широкие планы просвещения родины, но не понимает того, что сложные общественные вопросы нельзя разрешать лишь проповедью, призывом к культуре. Носитель идей просветителей шестидесятых годов Леон был лишен духа революционной борьбы, а потому само собой понятно, что речи Леона не могли дать ощутительных результатов, и сам Леон, попав в тупик, скоро должен был притти к убеждению, что предлагаемыми им средствами нельзя преобразовать общество, невозможно ликвидировать эксплуатацию и гнет.

Все же появление поэмы оказалось значительным явлением в армянской литературе. Во всей поэме заметно сильное влияние русских просветителей шестидесятых годов. Она содержит реалистические картины, рисующие армянскую действительность.

„Скорбь Леона“ как в отношении формы, так и содержания носит в себе признаки влияния двух великих гениев русской литературы—Пушкина и Лермонтова. Сам Шахазиз также не отрицает этого влияния на „Скорбь Леона“ и вообще на все его творчество. Вот что пишет он об этом влиянии, спустя десятки лет, в одном из своих писем к Юрию Веселовскому: „Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, *Пушкин и Лермонтов!*... Пушкином я всегда увлекался, прежде всего,—как *разносторонним и правдивым поэтом-художником*, творчество которого

представляет собою для отзывчивого читателя как бы прекрасный, цветущий сад, блестящий райской красотой... Следы влияния его поэзии, в частности „Евгения Онегина“ (до известной степени даже „Графа Нулина“), заметны местами в моей „Скорби Леона“. Независимо от этого, я когда-то задумал и начал писать поэму из новой армянской жизни, которая явилась бы отчасти подражанием „Евгению Онегину“, в особенности—романтической завязке поэмы, истории Татьяны. Раньше этого, в моих „Часах досуга“ я уже пробовал, как умел, подражать Пушкину,—перевел его стихотворение „Кубок янтарный“, сделал в некоторых случаях отдельные его стихи эпиграфами к моим собственным вещам, написанным под его влиянием¹.

В том же письме о влиянии Лермонтова Шахазиз пишет: „Что касается Лермонтова, то его произведения (например, „Герой нашего времени“) всегда наводили меня на много дум, действовали на меня своим внутренним содержанием, давали известные мотивы и темы для разработки. Если эпиграф к „Скорби Леона“ взят из „Героя нашего времени“, если раньше этого в „Часах досуга“ упомянуто в одном случае имя Лермонтова, то и в моей книге „Несколько слов моим читателям“, появившейся в 1903 г., цитируется Лермонтов—в том месте, где я говорю о желательном отношении современной молодежи к прошлому родины“².

Как видите, вся жизнь и литературная деятельность Шахазиза целиком связана с русской действительностью и русской литературой. В этой именно действительности и под влиянием этой великой литературы великого народа вырос и оформился один из виднейших армянских поэтов шестидесятих годов—Смбат Шахазиз.

V

История армянской театральной культуры берет свое начало из глубин далекого прошлого. Но будучи лишена твердой социальной базы, эта культура не могла попасть в русло нормального своего развития.

Армянская интеллигенция русской Армении не могла оставить без внимания наравне с литературой также такую область, как театр. Однако в самой Армении не было еще соответствующих условий для развития театральной культуры. Поэтому не удивительно, что первое представление на армянском языке имело место в Москве. В 1858 году группа студентов-армян в Москве положила основу нового армянского театра постановкой комедии Ованеса Гургенбеяна „Хаджи Сулейман“.

Мысль о том, чтобы иметь в Закавказье армянский национальный театр, созрела давно. В Тифлисе уже существовал русский театр, организованный еще в сороковых годах XIX века.

¹ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 12—13.

² Там же.

К концу пятидесятих годов Тифлисским русским театром уже был поставлен ряд известных произведений русской и европейской драматургии—пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского, Мольера и других классиков. Существовал также грузинский театр. Таким образом в Тифлисе накопился известный опыт театральной культуры, когда в 1859 году там был основан также армянский театр. В первый период своего существования этот театр ставил пьесы М. Патканяна, М. Тер-Григоряна и ряда других авторов. Но пьесы эти, будучи слабы в художественном и идейном отношении, не могли долго удержаться на сцене армянского театра и удовлетворять требованиям армянского общества. Армянский театр нуждался в более сильном драматурге и театральной деятеле.

В этот именно исторический период выступил на сцену крупнейший армянский драматург Габриел Сундукян (1825—1912 гг.).

Габриел Сундукян родился в Тифлисе, в зажиточной семье. Свое первоначальное образование он получил дома, у приглашенных специально учителей. Наряду с другими языками он с особым вниманием и усердием изучает также русский язык. В 1840 г. Сундукян поступает в Тифлисскую гимназию, которую успешно оканчивает через шесть лет. В гимназические свои годы он глубоко увлекается русской культурой, литературой и искусством. Именно гимназия дает ему возможность определить дальнейший путь своего развития.

Окончив гимназию в 1846 году, Сундукян уезжает в Петербург и поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета. В том же году приезжает в Петербург из Саратова Н. Г. Чернышевский, который также поступает на историко-филологический факультет университета. И вот Чернышевский и Сундукян учатся в одном и том же университете, на одном и том же факультете четыре года, и оба оканчивают курс одновременно в 1850 году. Как известно, Чернышевский в свои студенческие годы в Петербурге имел огромное влияние на студенчество. У нас сейчас нет под рукой конкретных фактов о связи между Чернышевским и Сундукяном, но не подлежит никакому сомнению, что возвращавшийся из Петербурга на родину Сундукян в деле развития и организации своих демократических идей многим был обязан Чернышевскому. Вообще петербургский период жизни Сундукяна сыграл решающую роль в деле развития этого будущего крупного драматурга. Петербург благодаря своей географической близости к Европе и установлению общественной и культурной связи с ней уже стал центром передовой русской мысли того времени. Быстрыми темпами развивалась в особенности театральная культура. На русской сцене выступали уже такие видные фигуры, как Мартынов, Каратыгин, Щепкин и многие другие. В русском театральном репертуаре числились уже такие классические произведения национальной драматургии, как, напр., „Горе от ума“ Грибоедова, „Ревизор“ Гоголя и многие другие. Драматургия Островского уже проникла в театр.

После культурно-отсталой кавказской действительности Петербург становится для молодого Сундукяна действительным очагом его мечтаний. Он буквально проглатывает всякое новое завоевание русской театральной культуры. Петербург дает Сундукяну возможность основательно изучить также западно-европейскую драматургию и театр.

В письме своем к Юрию Веселовскому в 1898 г. Сундукян пишет: „Какая была радость и что я испытывал в Петербурге в 1846 году, когда я впервые видел Каратыгина в роли Фердинанда. Я полюбил театр и с тех пор я не пропускал ни одной известной пьесы, дававшейся в Александринском театре, где поражали меня своей игрой Мартынов, Каратыгин, Щепкин, приехавший из Москвы, и многие другие. Щепкин-Фамусов у меня и теперь перед глазами, и мне кажется, что я сейчас слышу его голос, хотя после того прошло уже более 50-ти лет“¹.

На вопрос Юрия Веселовского о том, кто из русских писателей оказал на него больше влияния, Сундукян, в письме своем от 19 ноября 1902 года, пишет: „На заданный мне вопрос отвечаю Вам вполне откровенно, что родившись и воспитавшись в России, пройдя русскую гимназию, русский университет, слушая русских профессоров, в особенности профессора словесности Никитенко, в течение четырех лет (1846—1850) в Петербургском университете, я естественно должен был находиться под влиянием русской умственной жизни. Но какие именно русские писатели всего более повлияли на меня и какие сочинения этих писателей произвели на меня особенное впечатление, определить мне теперь трудно. Мне кажется, что я им всем более или менее обязан моим умственным развитием“...².

Сундукян имел счастье лично познакомиться с крупным русским драматургом А. Н. Островским, произведения которого он оценивал высоко. Нужно заметить, что творчество Островского сыграло немалую роль в жизни Сундукяна, как драматурга. И Островский со своей стороны высоко ценил великого драматурга армянского народа. В бытность свою в Тифлисе он взял у автора первый русский перевод „Пепо“ в рукописи для редактирования и постановки его в Москве. В этом отношении заслуживает внимания ответное письмо Сундукяна, посланное им в редакцию журнала „Русская старина“ в 1911 году, в котором он говорит о своем знакомстве с Островским. Сундукян пишет: „Имею честь сообщить Вам, что с А. Н. Островским я имел счастье познакомиться в бытность его в Тифлисе, за беседою у инженера Бахметьева, и у нас очень скоро завязался с ним дружеский разговор о литературе, театре, просвещении народа и т. п.

Вскоре после того состоялся в честь его спектакль на грузин-

¹ Г. Сундукян. Полное собр. сочинений, стр. 433 (арм. издание).

² Там же, стр. 434.

ском языке в Театре грузинского дворянства. Играли пьесы А. Н., мою и еще что-то, теперь уже не припомню.

А. Н. сидел в ложе бельэтажа, я в партере.

По окончании представления пьесы А. Н., я, во время шумных аплодисментов по его адресу, побежал наверх, чтобы пожать его дорогую руку, что и исполнил, встретив его в коридоре. Он меня завел в свою ложу, познакомил с сидевшим там братом своим—министром государственных имуществ, посадил и меня рядом с ним. Оба они были очень любезны, внимательны ко мне и до конца спектакля уже не выпускали меня из своей ложи.

А. Н., узнав, что у меня есть рукописный перевод на русский язык моей пьесы „Пепо“, взял его у меня перед отъездом в Москву, обещал просмотреть, исправить, если нужно, язык и поставить ее там на сцене.

Однако желание А. Н. не могло быть исполнено вследствие его болезни и последовавшей затем смерти его к величайшему прискорбию всей интеллигенции России.

Доброго отношения ко мне А. Н. я никогда не забуду“...

В конце того же письма имеются следующие теплые строки по адресу Щепкина: „Что же касается знаменитого Щепкина, то могу Вам сообщить, что я видел его несколько раз на сцене Александринского театра, когда он приезжал из Москвы.“

Хотя после этого прошло более 60 лет, но впечатление от его талантливой игры никогда не изгладится из моей памяти. Особенно хорошо помню с какой яркостью передавал он заключительный монолог городничего в „Ревизоре“¹.

Сильное влияние, оказанное гениальным автором „Мертвых душ“ и „Ревизора“ на Сундукяна неоспоримо. Сундукян не раз высказывал свое глубокое и безграничное восхищение гениальными произведениями Гоголя. В этом отношении характерен один документ. В 1908 году Общество любителей русской словесности обратилось к Сундукяну с предложением принять участие в торжестве по поводу открытия памятника Гоголю. Не будучи в состоянии принять личное участие в этом знаменитом торжестве, Сундукян послал в комиссию следующее письмо:

„Выражая горячую признательность комиссии за внимание, жалею от всей души, что не могу лично присутствовать на торжестве открытия памятника великому творцу бессмертного „Ревизора“ Н. В. Гоголю. Мне теперь 83 года. Мысленно переносюсь теперь в то далекое время, когда студентом жил я в Петербурге и видел в роли городничего покойного Щепкина. Тогда углубилась и окрепла моя безграничная любовь к театру, которому я и посвятил свои лучшие годы, которому отдал свои произведения, частицы моей души, мои мысли, чувства. С именем Гоголя связаны у меня лучшие воспоми-

¹ Г. Сундукян. Полное собрание сочинений, стр. 435.

нения; этому имени не мало я обязан и своей любовью к театру. Вот почему с чувством особого глубокого почтения низко кланяюсь памятнику автора „Мертвых душ“ и с дальнего Кавказа шлю сердечный привет всем устроителям праздника, одинаково дорогого всем гражданам России без различия их национальности“¹.

До конца своей жизни Сундукян был связан с русским театром. Он был знаком с видными деятелями русской сцены. Знаменитая артистка Г. Федотова, в ответ на приветственную телеграмму Сундукяна по поводу пятидесятилетия ее сценической деятельности, послала Сундукяну 8 января 1912 года свою карточку со следующей надписью: „Глубоко тронута лестным вниманием великого писателя, напоминающего мне нашего незабвенного Островского“².

Сундукян является одним из тех представителей армянской классической литературы, которые пользуются популярностью также среди других народов. Его сочинения переведены, за редким исключением, на многие языки.

Знаменитая комедия Сундукяна „Пепо“ была переведена еще при жизни автора на грузинский, азербайджанский, русский, французский и другие языки. Еще до революции „Пепо“ было переведено на русский язык три раза (в 1883, 1896 и 1916 г.г.). Это обстоятельство само говорит о ценности пьесы, тем более, если принять во внимание то, что пьесы переводились вообще редко. На русский язык переведены также другие комедии Сундукяна. Его произведения получили блестящую оценку в русской печати того времени. О его творчестве говорили с восхищением крупнейшие представители русской литературы, как напр. Островский, М. Горький, В. Брюсов и многие другие.

Знаменитый литератор академик Алексей Веселовский, который долгие годы занимался историей развития европейского театра и драматургии и выпустил весьма ценные исследования в этом направлении, в своей статье о Сундукяне пишет:

„С Сундукяном идейно, заочно, я был уже знаком и меня влекло к нему. Познакомил нас его „Пепо“, это сверкающее истинным комизмом, бытовой народной силой, гуманной мыслью, лучшее его создание, полное неподдельно живых образов, окружающих центральное лицо комедии, армянского Фигаро, с его вызовом и протестом против старого, несправедливого строя, с юмором кинто и боевой отвагой выходца из народной толпы. Блеск и яркость комедии поразили и в чтении ее русского перевода...“³.

Алексей Веселовский высоко оценивает „Пепо“ Сундукяна, сравнивая его с произведениями Островского: „Во всем бытовом театре Островского нет ничего ему под парю и по замыслу, и по характеристике главного лица, с его социальной и народной основой, в то

¹ „Закавказье“, № 61, 1909 г.

² Литературный музей Армении. Сундукяновский фонд.

³ „Армянский вестник“, № 31, 1916 г.

же время с метко схваченными общими, человеческими красками возбуждения и печального комизма¹.

В 1896 г. Алексей Веселовский познакомился в Тифлисе с Сундукяном, после этого они часто встречались и подолгу беседовали по многим вопросам литературы, театра и искусства. О своих впечатлениях от Сундукяна и беседах с ним Веселовский пишет:

„Любовь к своему народу и желание духовной пользы для него светились в этих речах, чуждых всего показного, полных ума, таланта, юмора. Остроумные характеристики народного быта во всех его слоях, начиная с допотопного уровня косной массы и выходя к мишурной культуре и себялюбию зажиточных верхов, любопытнейшие авторские пояснения о характерах и лицах, выведенных в его пьесах, особенно в главной его комедии, сменялись рассуждениями и взглядами, отражавшими обширную начитанность в русской и западной литературе и серьезный склад обобщающей мысли“².

Заслуживает внимания отношение Максима Горького к „Пепо“. Как известно, в „Сборнике армянской литературы“, вышедшем в свет в 1916 году под редакцией Горького, целиком помещено „Пепо“ в новом переводе. Сборник был составлен поэтом Ваганом Терьяном, который активно сотрудничал в этом деле с Горьким. В письмах Терьяна, написанных в этот период, имеется ряд упоминаний о Горьком и о работе, связанной со сборником. В письме своем из Петербурга от 2 апреля 1915 г. Терьян пишет одному из своих знакомых: „Как-нибудь достань русский перевод „Пепо“ (Цатурян и Веселовский), пошли как можно скорее,—просил Горький—хочет перевести „Пепо“ (сначала хочет познакомиться с ним).“

А в письме своем, написанном в июне месяце 1915 года, Терьян уже определенно пишет о переводе „Пепо“: „В сборник войдет „Пепо“, который перевели я и Горький“.

В литературном музее Армении хранится перевод „Пепо“ на русский язык в рукописи, над которой работал Горький. Та огромная работа, которую проделал Горький над каждой строкой, над каждым словом перевода, свидетельствует о том, что Горький ставил „Пепо“ в ряд великих творений искусства и любимых им произведений. Лишь при этих условиях Горький мог работать над переводом „Пепо“, не имея вообще склонности заниматься переводами. Как известно из печати, Горький говорил с восхищением также о кинофильме „Пепо“.

Кроме „Пепо“, Сундукян дал много других ценных произведений, как, напр., „Хатабала“, „Разоренный очаг“ и пр. Сундукян является величайшим драматургом армянского народа. Он был передовым и образованнейшим человеком своего времени, владел несколькими языками. Он свободно владел французским языком и

¹ „Армянский вестник“, № 31, 1916 г.

² Там же.

очень хорошо знал французскую культуру и литературу, вел переписку с знаменитыми французскими писателями (Виктор Гюго, Александр Дюма (сын) и др.).

Используя достижения русской и европейской культуры, Сундукян сумел своими бессмертными творениями произвести переворот в армянской театральной жизни, поставить армянский театр и драматургию на новый, реалистический путь развития.

Произведения Сундукяна представляют собой вершину армянской реалистической драматургии. Комедии его до сих пор являются красотой и гордостью нашего театра.

(Продолжение следует)

С. Т. Еремян

Сюния и оборона сасанидами кавказских проходов

В политической жизни стран Закавказья сасанидского периода немалую роль играло гнездившееся в горах нынешнего Зангезура и Карабаха Сюнийское нахарарство. Сюния (Сюник)¹, или как иначе называли ее соседи—персы, арабы и сирийцы,—Сисакан, находясь между внутренней Арменией и Албанией, была тем передаточным звеном и дорогой, через которую Албания приобщалась к культурному миру древности.

Будучи замкнутым экономическим и социальным миром, Сюния в системе нахарарской Армении представляла особую самодовлеющую единицу.

Сирийский источник середины VI в. „Хроника Захарии Ритор“² при описании стран Закавказья Сюнию отмечает, как особую область, входившую в состав Армении. Автор „Хроники“ пишет: „Сисган также земля со (своим) языком и верующим народом, но живут в ней и язычники“².

Местные правящие династы, ишханы Сюнии, жили больше своими внутренними интересами, чем интересами общегосударственными и общенародными. Разумеется, Сасаниды этот момент учитывали и не замедлили воспользоваться этим.

Грандиозные мероприятия Сасанидов в странах Закавказья, имеющих оборонный характер, требовали мобилизации всех возможных резервов и ресурсов, и в этой цепи далеко не последнее место занимало сюнийское нахарарство.

Население Сюнии издревле славилось как воинственное и свободолюбивое племя, которое армянским Аршакидам выставляло больше всего конницы. Если верить дошедшей до нас воинской грамоте („Зоранамак“), ишхан Сюнии выставял армянскому царю 19.400 всадни-

¹ Սիսիգը, или Սիսիգան, груз. სისიგანო, სისიგანო, др. перс. *Sisagan, пехл. *Sisakan, араб. Sisadan, сир. Sisgan. Армяне под „Сисакан“-ом подразумевали правящий страной нахарарский дом, но впоследствии употребляли и в смысле названия страны. См. Н. Hübschmann, Die altarmenischen Ortsnamen (Indogermanischen Forschungen von K. Brugmann und W. Streitberg, VIII. Strassburg, 1904) и арм. перевод: Հ. Հիւրշման. Հին Հայոց անդառն անունները, Քարթմ. Բ. Պրիդիկեհան, Վիեննա, 1907, էջ 95—100.

² Н. Пигулевская—Сирийские источники по истории народов СССР. М. Л. 1941, стр. 165.

ков¹. В эпоху Сасанидов сюнийские всадники пользовались особой славой и участвовали во всех их походах. О сюнийских всадниках говорит также Прокопий Кесарийский. По его словам, в 531 г. царь царей Кавад послал против Юстиниана одно войско, которое „состояло из персарменов и соседних с ал(в)анами сунитов“ (Σουυίται)².

Сасаниды уже в начале своей активной наступательной политики в Закавказье обратили серьезное внимание на владетелей Сюнии, от ориентации которых многое зависело. Это хорошо сознавали сами сюнийские ишханы и на этом делали себе большую политическую карьеру.

Возвышение роли сюнийских владетелей в политических мероприятиях Сасанидов в странах Закавказья тесно связано с вопросом охраны кавказских проходов от нашествий кочевников севера.

Борьба Сасанидов с кочевыми гуннскими племенами велась на всем протяжении северных границ Сасанидского государства, от Средней Азии до Кавказа. Вопрос обеспечения тыла от нашествий кочевников вынуждал Сасанидов тратить огромные средства и материальные ресурсы на содержание вооруженных сил и пограничных стенок-укреплений в наиболее уязвимых местах своих рубежей. В этом отношении Албания приобретала исключительное значение и она становится одним из центров сасанидских вооруженных сил.

Многочисленные племена, живущие в кавказских горах и на прикаспийском побережье, были привлечены Сасанидами в качестве военного резерва для борьбы с кочевниками Северного Кавказа.

Окончательно утвердившись на территории Албании, Сасаниды начали свои широкие и грандиозные по размаху мероприятия по обороне наиболее уязвимых мест со стороны Главного Кавказского хребта. Этим важным стратегическим значением Албании и было продиктовано обоснование вооруженных сил Сасанидов в городе Пайтакаране (Байлакан) в Мильской степи. Здесь находилась военная ставка спахпата Северного края („Апахтар“), которому подчинялась вооруженная охрана кавказских проходов.

По мере продвижения Сасанидов на север отодвигался и пограничный вал: Сохранившиеся до нашего времени остатки этих сооружений показывают, что их было по крайней мере три и названия их сохранила нам армянская „География“, приписываемая Моисею Хоренскому.

Первый и древнейший пограничный вал находился там, где склоны Главного Кавказского хребта ближе всего подходят к морю. Над берегом моря и теперь можно видеть огромную голую вершину круто спускающуюся к морю и называемую у азербайджанцев Бармак. Начиная от этой вершины прослеживаются укрепления и валы, которые продолжают дальше вдоль реки Гильгин-чай, вплоть до Главного

¹ Н. Адонц—Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908, стр. 263.

² Ibid., стр. 287.

ного хребта¹. Эта стена являлась пограничной линией Сасанидского государства до второй половины V столетия и отделяла страну Хурсан от Шарвана. Страна Хурсан (*Хуршан* в арм. „Географии“, должно быть: **Хуршан*)² занимала территорию нынешн. Хизинского района Азербайджанской ССР. Арабы называли ее также „Хайзан“, или „Хизан“³, откуда и нынешнее название пункта „Хизы“. Владелец этой страны в персидской рукописи Туманского называется „Хурсан-шах“⁴.

В армянской „Географии“ этот вал называется *Хуршан-кавад*, что буквально означает „Хурсанская скала“ (Хорс+вэм). Позже, арабский автор Масуди (X в.) упоминает „Сур-ат-Тин“ каменной стены, называемой „Бармаки...“, постройку которой автор приписывает отцу Хосрова I Ануширвана, т. е. Каваду I (488—531 г.г.)⁵.

Название это сохранилось поныне за вершиной Бармак. Многие арабские авторы эту вершину отождествляли с библейской „скалой Моисея“. Укрепленное место на этой вершине, круто спускавшейся к морю, повидимому называлось „Хирс“. О крепости под таким названием упоминают Белазури⁶ („Хирш“) и Я'Куби („Хирс“)⁷.

К северу от этого вала, вдоль р. Бильбия-чай встречается второй вал, так называемая „Шабранская стена“, которая в армянской „Географии“ называется „Апзут-Кават“ (*Ապզուտ-Կավատ*). Название это связывается также с именем сасанида Кавада I (488—531 г. г.); тогда же должен был быть основан город Шапоран, или, как позже называли, Шабран.

Между этими двумя пограничными валами находилась страна Шарван, или Ширван в первоначальном понимании этого названия. В той же анонимной персидской рукописи Хв. Туманского владелец этой области носит титул „Шарван-шах“.

К северу за Шабранской стеной, в нынешнем Хачмазском районе, морское побережье занимало племя маскутов, по имени которых арабы этот район называли „Маскат“, а среди местного населения до последнего времени район этот был известен под названием Мушкур, или Мускур. Выше в горах, в нынешнем Кубинском районе, жили лекзы, лезгины. По их имени арабы этот район называли „ал-Лакз“.

Завоевание этих районов и племен южного Дагестана выпало на долю Хосрова I Ануширвана (531—578), которому и приписывают по-

¹ См. Е. А. Пахомов—Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы истории материальной культуры, 1933 г., № 9—10, стр. 37—47.

² *Արշակունի Գեոգրաֆիկ Թրեշխոսը յանձնաժողովի նախնական շնորհիվ*, 1881, էջ 27.

³ *Баладзори*—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 17.

⁴ *Худуд-ал-‘алем*. Рукопись Туманского, с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930, стр. 30, 31.

⁵ Н. А. Караулов—Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 59.

⁶ *Баладзори*, указ. соч. стр. 19.

⁷ *Я'Куби*—„История“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 9.

стройку Дербентских стен. Границы Сасанидского государства были продвинуты до естественных пределов, которые образуют Табасаранские горы, тянущиеся вплоть до Каспийского моря. К северу от них тянется степное побережье Дагестана. Между указанными горами и морем оставалась незащищенной естественной преградой узкая полоса, где вырос нынешний город Дербент.

В VI столетии на территории низменной части Дагестана образовалось варварское государство хазар, которые своими набегами разоряли цветущие области Албании и Ирана. В союзе с хазарами находились многочисленные горские племена нынешн. Дагестана, находившиеся на разных ступенях классового образования. Хосров I Ануширван им противопоставил племена южного Дагестана и племенную знать, „царей гор“, сделал своими союзниками путем раздачи им громких титулов царей („шах“). По словам арабского автора Белазури, таковыми явились владетели Табасарана (арм. Таваспаран), страны лакзов (т. е. лезгин, или кюринцев), Маската, Ширвана и других.

Упомянутый Белазури прямо говорит о том, что побудило Сасанидов к этим оборонительным мероприятиям в Восточном Закавказье. Он пишет: „Хазары (часто) выступали (из своей страны) и нападали (на соседние области), доходя иной раз до Дайнавера. (Это побудило) Кобада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с двенадцатью тысячами (воинов); он вступил в область Арран и занял область между ар-Рассом (Араксом) и Ширваном. Вслед за ним (полководцем) выступил (царь) Кобад, который построил в Арране город Байлакан и город Берда, (главный) город всей страны, и город Кабалу, что есть Хазар“¹. Нет сомнения, что Байлакан и Кабала существовали издавна, Перозу и Каваду следует приписать лишь их укрепление; что касается Берда, арабского названия столицы Албании—Партава, то он был расширен Кавадом, поэтому и назывался также Пероз-Кават, или, как в новоперсидском, Фируз-Кобад.

Дальше Белазури сообщает, что тот же Кавад I построил преграду из необожженной глины, и относит ее к Дербенту; на самом же деле это известие из его первоисточника должно относиться к основанию им вышеупомянутой Шабранской стены, называемой „Анзут-Кават“. Постройка Дербентских стен по справедливости приписывается Хосрову I Ануширвану, о чем свидетельствует почти его современник—армянский историк Себеос. Он сообщает, что „Хосров во время своего царствования укрепил проходы Чора (Дербент) и Алан (Дарнадан)“. (*Այս Թորով է ժամանակս իւրոյ իմաստարութեանն Կազմեց զճանախն ճորայ և Ալանանից*)²:

В период византийско-сасанидских войн эти два прохода были предметом особого внимания и споров между двумя державами—Ви-

¹ *Баладзори*—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927 г., стр. 5.

² *Սեբեոսի Կաթողիկոսի Պատմութիւն, Երևան, 1939, էջ 29.*

зантийской империей и Сасанидским государством. Для безопасности сасанидского тыла укрепление прикаспийского побережья было важнее, потому что Дарьяльский проход был укреплен и закрыт самой природой, а со стороны Дербента этой естественной преграды не было.

С заграждением этого узкого прохода искусственными сооружениями Сасаниды запирали главный и наиболее доступный путь из степей Восточного Предкавказья в Закавказье.

Дербентские стены в древности оставляли на людей очень большое впечатление, как одно из чудес в мире; вокруг возведения этих стен сложилось много легенд и преданий, многие из которых воспроизводят арабские писатели¹.

Наиболее ценным, конечно, является вышеприведенное известие Себеоса (VII в.).

Сведения, приводимые другим армянским историком Гевондом (VIII в.) о постройке укреплений в Дербенте, связывается с сасанидом Иездегердом II (438—457 гг.). Гевонд утверждает, что это укрепление было построено римскими мастерами и на нем была даже сделана надпись с именем императора Маркиана (450—457 гг.)².

Как видели выше, первые укрепления в Дербенте возведены лишь Хосровом I Ануширваном, т. е. после того, когда Сасаниды прочно завладели районом Дербента. Что же касается приведенных выше сведений об укреплениях Иездегерда II, если только они достоверны, то они могут относиться не к Дербенту, а к неизвестной нам стене, расположенной, вероятно, южнее вышеупомянутой стены Бармак, называемой „Хорс-Вэм“.

Дербентские стены прекрасно сохранились до наших дней. Археологи продолжение этих стен прослеживают дальше за город, в Табасаранских горах. У прохода вырос укрепленный город Дербент, в районе, называемом армянскими авторами Чор, или Чога (*Չոր, Չոգա*). По имени области Дербент в армянских источниках называется также „Чора пахак“ (*Չորախ պահակ*), или „Чора дурн“ (*Չորախ դուրն*) и т. д.

Для наблюдения над этими пограничными укреплениями в Дербенте, и дальше вдоль стены, были основаны военные поселения. Белазури, касаясь этого, сообщает, что Хосров I Ануширван в построенных им местах поселил народ, прозванный им сиясиджини³. Арабские авторы под этим названием „сиясиджиты“ имели в виду жителей Сисаджана (арм.-перс. Сисакан), или Сюнии, и поэтому многие предполагают, что их в Сюнии поселил Хосров I Ануширван. Ибн-ал-Факих, напр., рассказывает, что тот же Ануширван построил крепости и замки... в земле Сисаджан (Сисакан)... и населил их сиясиджинцами,

¹ См. *Баладзори*—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузс, Баку, 1927 г., стр. 6—7.

² *Չեօնդեալ ձեծի վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, դ. ժ. Ս. Պերերրերգ, 1887, էջ 40—41*. См. русск. пер. К. Патканьяна—„История халифов“ вардапета Гевонда, СПб, 1862, стр. 28.

³ *Баладзори*, указ. соч., стр. 5.

племенем воинственным и отважным¹. В другом месте тот же автор сообщает очень ценные сведения из недошедших до нас источников. Он ссылается на Ахмеда ибн-Вадыха Испагани, который „долго жил в стране Армении“. „Он же сообщил,—пишет ибн-ал-Факих,—что Бабул-Аббаб стена, которую построил Ануширван, и что один конец ее вдается в море, а противоположный морю конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь. Построена она из четырехугольного тесаного камня; один из этих камней не поднимут 50 человек: эти камни поставлены (один на другой) и пришиты друг к другу железными болтами. На протяжении этих 7 фарсахов,—продолжает он,—устроено семь проходов, у каждого из этих проходов город, и живут в них (городах) персидские воины, называемые *сиясикинами*.

Говорят, что мужчины из жителей Армении обязаны охранять эту стену и ворота; над каждым проходом привешаны ворота, и ширина стены на вершине ее такова, что по ней проедет 20 всадников (в ряд) не теснясь².

Из этих сообщений арабских источников видно, что Сасаниды для охраны этих пограничных укреплений образовали военные поселения из жителей Сюнии, или Сисакана, сисаканцев, или „сиясиджитов“. В этой связи становятся понятными факты, приводимые армянскими источниками. Как видно, эту службу охраны пограничных укреплений в Кавказских горах Сасаниды возлагали на сюнийцев еще в V столетии. По сообщению историка Лазаря Парпского, ишхан Сюнии, известный Васак, Иездегердом II был назначен марзпаном Иберии герс. Картли, (439—443 г. г.). На него была возложена охрана Дарьяльского прохода (Дариалан). Отсюда он тесно соприкасается с гуннскими племенами, с вождями которых поддерживал дружественные отношения³. Это установление добрососедских отношений с кочевниками Северного Кавказа имело для Сасанидов величайшее значение. Помимо того, что этим предотвращались набеги варваров, в случае необходимости они могли предоставить Сасанидам неисчерпаемые военные кон-

¹ Н. А. Караулов, указ. соч., Сб. материалов для опис. местн. и племен Кавказа, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 15—17.

² Ibid., стр. 23—25.

³ Факт этот выявляется в словах, которые вложил в уста марзпана Васака Сюнии историк Лазарь Парпский. «...Ապա թէ կայր այլազգացոյնս ինչ խորիք և ճանաչէ զիւր օգուսան՝ և ես մինչ վրաց մարդպանն էի և զուսն նորուանից յիմում ձեռնէր՝ բազում զօրազուլիք Հոնաց ընդ իս բարեկամացան ուխտիւ և երգմամբ, և այսօր օղորէ երգմամբ երթեկեկն առ իս. և հարկրս ամենայն աշխարհիս Հայոց առ իս են, և զործակար ամենայն յիմում ձեռին են, այլ ևս բազում կարասի, զոր ի պարսիկ զործակարցն հանրոր աստ ի Հայս էին. և յիմում գանձի կայ. յորմէ թէ զմ՛ր մասն Հոնաց տամ ասանկ՝ անտայնչափ սաստիկ հանեմ Հոնս. որչափ զի հողն Պարսից չբաւիցէ նոցա յաւարիտ Ղազարա Փարպեցւոյ Պատմութիւն Հայոց և Թուղթ, առ Վահան Մամիկոնեան: Տիպիկոն, 1904, ց. 11. Տմ. օց. Ջաջախիճցոյ. յարտցցելոյ ցրոս օստորոյ, Գրեցնի յորցցելոյ, Երեւան, 1928, ց. 25:

тингенты и это в тот период, когда гунны вторгались в пределы Восточно-Римской и Западно-Римской империи, с которыми вели безуспешную борьбу ромейские императоры.

Тот же Васак Сюни вскоре был назначен марзпаном Армении (447—451 г. г.), а на его место в Иберию был послан знатный перс Себухт Нихоракан. Позже, насколько можно судить по фрагментарным данным „Мокцевай Картлисай“, надзор за Дарьяльским проходом марзпаны Картли возложили на племенного вождя цанар—корикози.

Перспективы широкой политической деятельности в масштабе всего Сасанидского государства притупляли в правящей династии Сюнии чувство солидарности с остальной знатью нахарарской Армении. Этим следует объяснить, почему Васак Сюни, в конечном счете, очутился в лагере предателей народного антисасанидского движения 450—451 г. г. Этим же объясняется, что ишхан Сюнии не пожелал принимать участия в большом восстании 571—572 г. г.; согласно Себеосу, по просьбе ишхана Сюнии Вахана, Сюния была исключена из состава марзпанской Армении и подчинена непосредственно шахрмару Атрпатакана (571 г.)¹.

По словам Себеоса: „еще до восстания сюнийский князь Вахан отложился от армян и просил персидского царя Хосроя перевести диван Сисакана из столицы Армении—Двина в город Пайтакаран и занести последний в регистр Атрпатакана, дабы он не считался впредь городом армянским. Сюнийский владетель не только отказался участвовать в восстании, но старался оказать вооруженную помощь Хосрову I Ануширвану для подавления постанчского движения. Согласно Себеосу, сюнийский тэр Филипп в 574—575 г. г. совершил поход против восставшей марзпанской Армении и после семимесячной безуспешной борьбы должен был вернуться обратно². Сюнийские ишханы, как видно, непосредственно подчинялись спахпату Северного Края и были связаны с военной ставкой спахпата, находившейся в городе Пайтакаране.

Роль ишханов Сюнии в делах Закавказья значительно умалилась после ослабления Сасанидов. Походы Ираклия I явились началом конца Сасанидского государства. Хазары начали устраивать набеги на цветущие долины Албании, Грузии и Армении и, как видно, еще до арабов прочно завладели Дербентским проходом.

Именно к этому периоду относится замечание Белазури: „многие сиясиджиты покинули свои замки и города, и они превратились в развалины, а хазары и византийцы захватили то, что было раньше в их руках“³.

¹ Սեբեոսի Եջիպոսոսի Պատմութիւն. Երևան, 1939, էջ 27, русск. пер. Н. Адонц—Армения в эпоху Юстиниана, стр. 220.

² Там же, стр. 30.

³ Баладзори—„Книга завоевания стран“, текст и пер. П. К. Жузе, Баку, 1927 г., стр. 7.

Население этих военных поселений, конечно, осталось на месте и в эпоху арабов и позже играло видную роль в этих районах. В наши дни они кое-где уцелели в лице армян и армяноязычных татов в районе Дербента и Кубы.

Дербентские укрепления вновь были восстановлены только в период окончательного установления в Закавказье владычества Омайядов, в 731—733 гг.

Էդ. Թոփչյան

ՖԱՇԻՉՄԻ ՀԱՄԱԿԵՆՏՐՈՆԱՑՄԱՆ ՀԱՄԲԱՐՆԵՐՈՒՄ

Ֆաշիստական մարդակերների տիրապետությունը Գերմանիայում սկսվեց մարդկային պատմության մեջ չտեսնված արյունահեղ ողբերգությունների հիտլերի խելագարությունից ավերված ուղեղում ստեղծված գազանային ծրագրերը իրականացվեցին հրեշավոր հետևողականությամբ: Գողերը, մարդասպանները, պոռնկաբույժները, մորֆինիստները վարձկան լանդսկինխաֆ գլխավորությամբ հարձակվեցին բանվորական թաղերի, համալսարանների, գիտություն և արվեստի հիմնարկների վրա: Մարդկության և կուլտուրայի այդ ահավոր թշնամիները հոշոտեցին անպաշտպան մարդկանց, այրեցին և ոչնչացրին հազարամյակների կուլտուրական արժեքները: Ներքինացվեց գերմանական ժողովրդի ստեղծագործ միտքը, ավելի քանի երեք հազարամյակ հետ շարտվեց լավարի և բարբարոսությունների գերիլը: Մարդկությանն անմահ մտածողներ տվող Գերմանիայի վրա իջավ սև գիշեր. գերմանական ժողովրդի լավագույն զավակների իղբալները մարդկանց հավասարության, մարդկային անհատի անսահման իրավունքների մասին՝ փոխարինվեց ստրկություն և ոճրագործության ռասայական քարոզով: «Թող մեզ կոչեն վայրենիներ, մենք կուլտուրա չենք ուղղում», — ունում է Ֆաշիզմի «փրկիստիա» էրնստ Կրիկը: Ֆաշիստ մարդակերները մարդկային բանականությունը հայտարարեցին անհամատեղելի «բարձր ռասայի» գաղափարին: «Ինչքան լավ կլինեք ազատվել բանականություն տիրապետությունից», — ասում է Ֆաշիստական Գերմանիայի «լուսավորություն» միսիստը՝ էրազմի նշանավոր հերոսուհու Տիմարություն այլասերված որդին: Միանգամայն հասկանալի է Ֆաշիստական բանգիտների առելությունը բանականության նկատմամբ. նրանք ցանկանում են խեղդել ժողովրդական մասսաների գիտակցությունը, մարդկանց դարձնել միայն բանող անասուններ: Ֆաշիստական արյունոտ ազնվանյութերիստները Հեգելի, Գյոթեի և Հայնեի հայրենիքը վերածեցին բանտերի ու համակենտրոնացման ճամբարների, դարչնագույն ժանտախտը տարածվեց ամբողջ երկրում. գերմանական ժողովրդի լավագույն զավակները՝ բանվորները, գիտնականները, արվեստագետները բանտարկվեցին ու աննկարագրելի տանջանքների ենթարկվեցին և այժմ էլ ենթարկվում են բանտերում ու համակենտրոնացման ճամբարներում, որոնք Ֆաշիստական ռեժիմի օրգանական մասն են: Բռնության վրա հիմնված Ֆաշիզմի տիրապետությունը չի կարող գոյություն ունենալ առանց կադրի, դահճի և համակենտրոնացման ճամբարի: Ֆաշիզմի հրեշավոր, ոճրագործությունների, տեղորի և արյունհեղությունների մասին են պատմում Ֆաշիստական ճամբարներում խոշտանգված Վիլլի Բրեդելը՝ «Փորձություն», Վոլֆգանգ

Լանդհոֆը՝ «Ճահճի զինվորներ», Կարլ Բիլլինգերը՝ «Բանտարկյալ № 880», Վալտեր Հորնունգը՝ «Դախաու», Կլաուս Հինրիխսը՝ «Երրորդ իմպերիայում» վեպերում: Չնայած նկարագրվող սարսափներին, ցնցող տեռորի այդ տարեգրությունները հագեցված են խորը օպտիմիզմով և ապագա հաղթանակի հավատով: Այդ գործերի մեջ լավագույնների թվին է պատկանում կոմունիստ գրող; ռևոլյուցիոն մարտիկ Վիլլի Բրեդելի «Փորձություն» վեպը, որի մեջ հեղինակը մերկացնում է Ֆաշիստ մարդակերների իսկական դեմքը: Վեպի առաջաբանում Բրեդելը գրում է. «1933 թվի մարտի 1-ին ինձ ձերբակալեցին: Դրան չափազանց օրը սոցիալ-դեմոկրատների նախընտրական մի ժողովում ես խոսել էի հակաֆաշիստական միասնական ճակատի մասին: 13 ամիս ես բանտարկված էի, որից 11 ամիս խիստ մեկուսացված: Այս վեպում ես նկարագրել եմ այն, ինչ ինքս անձամբ ապրել եմ ու տեսել... Անգամ մեկուսացրած բանտարկության ընթացքում ես ստանում էի փոքրիկ տոմսեր, որոնք տեղեկություններ էին պարունակում մյուս բանտարկյալների ճակատագրի մասին: Հարևան խցում նստած էր մի ընկեր, որի հետ պատերազմի և ռևոլյուցիայի ժամանակ Համբուրգի բանվորական երիտասարդական միության մեջ միասին աշխատել էինք: Երբ բազմաթիվ խոշտանգումներից հետո ինձ նորից գանակոծեցին, նա պատը ձեծելով հասկացրեց ինձ, որ ամեն դեռով դիմանամ, որպեսզի հետագայում նկարագրեմ, թե ֆաշիստներն ինչպես են վարվում անպաշտպան բանվորների հետ: Դրանից մի քանի օր հետո այդ ընկերը, մշտական խոշտանգումներից ազատվելու համար, կախեց իրեն...»:

Համակենտրոնացման ճամբարներում իշխում են գրոհայինների վայրենի կամայականությունները: Հիտլերական ավագակային բանդայի այդ վարձկան սրիկաների մասին մոտավոր պատկերացում է տալիս հետևյալ հաղորդագրությունը՝ տպագրված «Պոպուլլեր» թերթի 1933 թվի հուլիսի 19-ի համարում. «Օրերս Հիտլերն ընդունեց Հարավային Սասքոնիայի հին գրոհայինների պատգամավորությանը: Այդ պատգամավորությունը կազմված է այն մարդկանցից, որոնց անցյալի մասին հայտնի են հետևյալ տեղեկությունները. Գեորգ Ռիտտեր—Չոկատի պետ, վեց տարի բանտարկված, գրամանեզ, փականք Չարդոզ գող: Բիլ Մուսաման—Չոկատի պետ, երեք տարի բանտարկված՝ ստորագրություններ կեղծելու համար, փականք Չարդոզ Վիլլի Մել—տաս տարի բանտարկված՝ սպանության և կանայք վաճառելու համար: Կարլ Մյուլլեր—սուտենյոր, գող, փականք Չարդոզ, հինգ տարի բանտարկված: Ռեյնոլդ Ռալբե—յոթ տարի բանտարկված՝ գողության համար. սուտենյոր: Գեորգ Ռեզե—երկու տարի բանտարկված՝ գողության համար. Պապստ—չորս տարի բանտարկված՝ կողոպտելու և ստորագրություններ կեղծելու համար: Այս բոլոր տեղեկությունները հաղորդել է Սաքսոնիայի գրոհային Չոկատների հին անդամներից մեկը...» («Կոմսոմոլսկայա պրավդա»-ից):

Գրեական կեղտոտ անցյալ ունեցող մարդակեր գաղանների այդ բանդան համակենտրոնացման ճամբարներում ձեծում, Չարդում, տրորում և սպանում է հարյուր հազարավոր բանտարկյալների:

«Փորձություն» վեպում նկարագրվող դեպքերը տեղի են ունենում 1933—34 թվականներին: Գործողությունը զարգանում է հետևյալ կերպ. Համբուրգյի մանր առևտրական հրեա Միդլբեն նավի վրա գրուցում է մի

օտարականի հետ, հաճույքով 'պատմում նրան Համբուրգի գեղեցկություններին մասին: Անծանոթը, որ կոչվում է Հենրիխ Տորստեն, կոմունիստ է, ընդհատակյա աշխատող, նա գալիս է Բեռլինից՝ Համբուրգի անլեզալ կազմակերպություն մեջ աշխատելու: Տորստենը և Համբուրգի պարտիական կազմակերպության ներկայացուցիչ Տեյլինը հանդիպման հենց առաջին պահին բանտարկվում են: Եվ որովհետև լրատեսները Միգիքենին տեսել էին Տորստենի հետ զրուցելիս, բանտարկում են նաև այդ առևտրականին, որը ոչ մի առնչություն չի ունեցել քաղաքականության հետ: Երեքն էլ բանտարկվում են Ֆյուլբյուրգի համակենտրոնացման ճամբարում, և սկսվում են մարդկային լեզվով ոչ նկարագրելի նրանց տանջանքներն ու փորձությունները: Մի շարք բանտարկյալներ չեն կարողանում տանել այդ դաժան հալածանքները՝ դիմում են ինքնասպանության: Հրեշավոր հարցաքննության ժամանակ Տեյլինը հայտնում է պարտիական գաղտնիքները, հետո գիտակցելով կատարած սխալը, կախվում է իր կամերայում: Սոցիալ-դեմոկրատական թերթի նախկին աշխատակից անհայտ պատճառներով բանտարկված հրեա Կոլովիցին գազանային անտիսեմիտիզմով կուրացած գրոհայինները հարկադրում են կախվելու: Կոմունիստ Տորստենին չեն ընկճում ամենօրյա մերձիմահ ծեծն ու խոշտանգումները: Ապագա հաղթանակի անխախտ հավատով Տորստենն անցնում է Փաշիստական դժոխքի բոլոր շրջաններից և համակենտրոնացման ճամբարից ազատվելուց հետո ավելի մեծ եռանդով շարունակում է իր ռեյտյուցիոն գործունեությունը:

«Ճահճի գինվորներ» վիպակի հեղինակ երիտասարդ արտիստ Վոլֆգանգ Լանգհոֆը ռայխստագի հրկիզման հաջորդ օրը բանտարկվում է տասնյակ հազարավոր այլ գերմանացիների հետ: Նրանց շուտով փոխադրում են Գերմանիայի ամենասուկալի համակենտրոնացման ճամբարներից մեկը՝ Լիխտենբուրգ: Չնայած միանգամայն անմեղ լինելուն, Լանգհոֆն ազատվում է միայն մի տարուց հետո՝ քայքայված, ուժասպառ, բայց Փաշիզմի դեմ մինչև վերջ պայքարելու անհուն գիտակցությամբ: «Ճահճի գինվորներ» գրքում հեղինակը պատմում է գերմանական համարձակ բանվորների, գերմանական կոմունիստական պարտիայի հերոսական աշխատանքի մասին, որը շարունակվում է, անգամ համակենտրոնացման ճամբարի պայմաններում: Լանգհոֆը նկարագրում է ոչ միայն ծեծը և սովամահությունը, այլև մարդկանց ֆիզիկապես ոչնչացնող անիմաստ «աշխատանքը»: Գիշերը ծեծի և տանջանքների ենթարկվելուց հետո Լանգհոֆը մտածում է. «Արդյոք ես գոյություն ունեմ որպես մարդ, այս բոլորից հետո ես կարճ եմ ինձ մարդ համարել»... Ընկերների ոգեշնչող սովորությունը և եղբայրական օգնությունը վերականգնում են Լանգհոֆի հավատը մարդու անսահման կարողությունների նկատմամբ. նա հանգում է այն եզրակացության, որ մարդկային արժանապատվությունը, հերոսությունը և սովորությունն անմահ են. այդ լավագույն հատկանիշներ կրողները կոմունիստներն են, որոնց չի կորսվում ընկճել անգամ Փաշիստ մարդակերների ռեժիմը:

Փաշիստական Գերմանիայի ամենախոշոր համակենտրոնացման ճամբարի՝ Դախաուի մասին է պատմում Վալտեր Հորնունգը: Հորնունգի գիրքը ընթերցողի մեջ առաջացնում է ջասում և արգահատանք գերմանական ժողովրդի դահիճների հանդեպ: Հորնունգը սոցիալ-դեմոկրատ է, նա տեսնում է դերմանական ժողովրդին մարդասպանների և դահիճների կրունկի տակ,

նա խորապես գիտակցում է, որ զրանում հանրցավոր է նաև այն պարտիան, որին պատկանում է ինքը: Սակայն մտածելով Գերմանիայի ապագայի մասին, Հորնուեզը սարսափում է պրոլետարական ղեկատուության դադարից: Նրա այդ հայացքն արտահայտվել է նաև այս գրքում: Գախառում ամենից սոսկալին ոչ թե քայքայող աշխատանքն է, այլ այն խոշտանգումներն ու ստորացումները, որոնց ենթարկվում են բանտարկյալները: Հորնուեզը նկարագրում է, թե ինչպես գրոհայինները մեծ բարձրությունից թռչում են բանտարկյալ հրեա իրավաբան Շտրաուսի վրա այնքան ժամանակ, մինչև նա վախճանվում է: Հրեա Շտրոչին կաստրացիայի են ենթարկում և ձեռնարկով մեռցնում: Երկու ղեկավարի վրա էլ բենզին են լցնում և այրում: Էջ առ էջ բացվում է Փաշխտական ուժի մարդատյաց կոշմարը: Հիտլերյան սադիստները ոչնչացնում են բոլոր նրանց, ովքեր մտածում են ազնվորեն, ովքեր գերմանական ժողովրդի բախարը չեն անջատում առաջավոր մարդկությունից:

Հորնուեզը հիացմունքով նկարագրում է կոմունիստների հերոսական կերպարները: Միայն խորը հավատը և նվիրվածությունը բանվոր դասակարգի գործին կարող էր անխախտ պահել Ցեյների նման կոմունիստների պողպատե բնավորությունը: Յոթ ամիս կարցեղում վայրենի տանջանքների ենթարկվելուց հետո, Ցեյները դահիճներին ասում է. «Գերմանիան կարող է նորից բարձրանալ միայն որպես կոմունիստական հասարակություն»: Կոմունիստները Գախառուի մյուս բանտարկյալներից տարբերվում են ոչ միայն անվեհերությունով, կամքի ուժով, խորը հավատով ապագա հաղթանակի նկատմամբ, նրանք ոչ միայն համառ աշխատանք են տանում համախմբելու բանտարկյալների տարբեր խմբերը, այլև փորձում են իրենց գոյությունը դժվարին պայմաններից վերցնել այն, ինչը պետք կգա ապագայի համար: Ծեծը և հալածանքը կոմունիստներն ընկալում են որպես վարժեցում Փաշիգմի դեմ մղվելիք ապագա մարտերի: Հորնուեզը ճշտորեն նկարագրում է, որ ոչ միայն ճամբարում բանտարկվածներն են իրենց սեփական փորձով ըմբռնել Փաշիգմի անհամատեղելի լինելը մարդկային նորմալ գոյությունը, այլ և գերմանական ողջ ժողովուրդը դնում է հակաֆաշիստական պայքարի կազմակերպիչ և ոգեշնչող կոմունիստական պարտիայի հետ:

«Գախառու» սկսվում է հետևյալ բնաբանով. «Երանի այն մարդուն, որի սիրտը հրձվում և ամբանում է ծաղկող հայրենիքի տեսքից: Երբ ինձ հիշեցնում են իմ հայրենիքի մասին, ինձ թվում է, թե ես ընկել եմ ճահճի մեջ, որ ինձ վրա իջել է զագաղի ծածկոցը»... (Պ. Հելդերլին): Հիտլերյան բարբարոսները ձգտում են ստրկություն ճահճի մեջ խեղդել գերմանական աշխատավոր մարդկությունը ազատասիրական ոգին, դագաղի վերածել ամբողջ աշխարհը, այդ չի լինի: Սովետական հզոր ժողովրդի հայրենասիրական մեծ պատերազմը հողմացրիվ կանի մարդկություն անարդ ոճրագործներին:

Կլաուս Հինրիխսը «Երրորդ իմպերիայում» գրքի ծանոթագրության մեջ հայտնում է. «Այս գրքում նկարագրված դեպքերը, հիմնարկները, մարդիկ հեղինակային Փանտագիայի արդյունք չեն: Ծշմարտացի արտացոլված են այն դեպքերը, վիճակները և հանգամանքները, որոնք ապրել է ինքը՝ հեղինակը և որոնց մասին նա իմացավ Փաշխտական Գերմանիայում»:

Ժամանակակից Գերմանիայում ախրող արյունահեղություն և սա-

դիզմի ֆոնի վրա Հինրիխսն առանձնացնում է երկու ուժ—տեղորի կամայականության, քաղաքական և ռասայական մոլեղնության վրա հիմնված Ֆաշիզմը և վերջինիս հակադրվող, սակայն Գերմանիայում դեռևս ճնշված հզոր ուժը, որին պատկանում է ապագան՝ կոմունիզմը: Հինրիխսը նկարագրում է հետաքրքրական մի էպիզոդ: Ճամբարի պետը կոմունիստներին երեք օրով զրկում է «սննդից» նրա համար, որ անհայտ «չարագործները» կտրել են Հինդենբուրգի պատվին նացիոնալ-սոցիալիստների տնկած ծառերը: Այն հարցին, թե ովքեր են համակրում կոմունիզմը, բանտարկյալների ⁹/₁₀ մասը գնում է կոմունիստների հետ, հրաժարվում սննդից. մնում են քրեական հանցագործները և մի քանի սոցիալ-դեմոկրատներ: Կոմունիստները բանտարկյալների առաջին շարքերում են, իրենց խիզախությամբ և տոկունությամբ նրանք հարգանք են առաջացնում անգամ մարդակերների մեջ:

Գրոհայինների գաղաղած բանդայի առաջ բանվոր կոմունիստ Տորիաս Ռեյլին պահնորդային ջոկատի պես Ֆաուստը հարցնում է. «Իսկ ի՞նչպես կվարվեիք դուք (կոմունիստներդ) մեզ հետ, եթե հաղթեիք»: Ռեյլը հպարտ պատասխանում է. «Շատ բան կախված է այն հանգամանքներից, որոնց մեջ պետք է տեղի ունենար հաղթանակը: Սակայն մի բան անկասկած է՝ մենք կամաչեինք խոշտանգել անպաշտպան գերմաներին»: Այս պատասխանին հաջորդում է մերձիմահ ծեծը: Ռեյլը ֆիզիկապես ջարդված է, սակայն հոգեպես, ինչպես միշտ, նա ավելի ուժեղ է իր հակառակորդներից:

— «Խելքդ գլուխդ հավաքիր, Ռեյլ,— շարունակում է Ֆաուստը,— սաս մեզ, ինչո՞ւ համար ես դու այտեղ:

— Նրա համար, որ ես կոմունիստական պարտիայի անդամ եմ:

— Գու առողջ ես եղել կոմունիստական պարտիայի անդամ, Ռեյլ... Իսկ այժմ, լավ մտածիր՝ ինչի մասին եմ ես հարցնում: Ռեյլ, դու այժմ է՞լ կոմունիստ ես...

Տորիասը հանգիստ օրորվում է մի կողմից մյուսը, նրա վերքերով պատած կաշին ուռել և այրվում է, կարծես թե նա կախված է հսկայական խարույկի վրա: Նրանք ցանկանում են մերձիմահ տանջել: Արդյո՞ք պետք է նա պատասխանի այս պրովոկատորին, թե ինչ է մտածում, ինչո՞ւ չասել «ոչ», արդյո՞ք նա պարտավոր է անկեղծ լինել այս սրիկանների հետ: Չէ՞ որ, չնայած այս բոլորին, նա մնում է այն, ինչ եղել է...

— Ճիշտ այդպես, ես այժմ է՞լ կոմունիստ եմ:

Ֆաուստը, կարծես, քարացավ. նայում է Տորիասին: Նա գնում է դեպի մտրակը, որը տալիս է նրան Գեյբրը, ձեռքը բարձրացնում է վեր, հետո իջեցնում դանդաղորեն և իր մարդկանց ասում է՝ «Նա խիզախություն ունի: Այդ նրանից չի կարելի խլել, շուն»:

Տորիաս Ռեյլի հերոսական կերպարն իր խորը մարդկային գծերով համակում է ընթերցողին: Ընթերցողը մտածում է. անհաղթելի է այն պարտիան, որն ունի Տորիասի նման խիզախ անդամներ: Հինրիխսի լավագույն կերտվածքն է նաև կոմունիստ Մարտին Շենհազենը՝ հռչակավոր պիտանական, գերմանական զբաղանդության պատմարան և լեզվաբան: Չնայած որ նա «արիացի» է, սակայն Ֆաշիստները նրան ատում են մտավոր մեծ կարողությունների, հոգեկան բարձր հատկությունների և սուլյուցիոն շարժմանը մասնակցելու համար: Ֆաշիստները որոշել են Շենհազենին ոչնչացնել:

նրան չի օգնում ոչ արտասահմանյան գիտական մտքի բողոքը, ոչ ընտանեկան կապերը և ոչ էլ բանտարկյալների հոգատարութունը: Գրոհայինները գնդակահարելու սպառնալիքի տակ Մարտինին հարկադրում են գնալ արգելված ճանապարհով և նրան անմիջապես գնդակահարում են «փախուստի փորձ կատարելու» պատրվակով:

Վեպի լավագույն նկարագրութուններն են բանտարկյալների մարդկային խորը փոխհարաբերութուններին նվիրված էջերը, բանվոր Տրեխասի և գիտնական Շնեհագենի մտկրմութունը, նրանց օգնութունը մանր առևտրական հրեա Բիրմանին և քաղքենի, սահմանափակ, վաղեմի հումանիզմի պատրանքներով տառապող Վեստերլեին:

Գրքի վերջին գլուխը կրում է «Մենե տեկել» վերնագիրը: Ավանդության համաձայն՝ այլասերման մեջ մխրճված Բարելոնի վրա երևաց հակայական մի ձեռք, որը գրեց՝ «մենե... տեկել... Փարես» բառերը, որոնք նշանակում են հատուցման նախադուշակութուն: Բանվորական ամեն մի գործադուլ, ամեն մի մասսայական ելույթ Փաշիզմին հիշեցնում է իր անկման մասին: Էլեկտրոկայանի բանվորների գործադուլը համակենտրոնացման ճամբարը թողեց խավարի մեջ և շփոթության ենթարկեց գրոհայիններին— այդ հիշեցնում էր ճամբարի զազազած տերերին, որ, բացի բանտարկվածներից, Գերմանիայում կան բազմաթիվ բանվորներ, որոնց ձեռքին է երբորդ իմպերիայի բախտը, որոնք կբարձրանան Սովետական հզոր ժողովրդի հետ մահացու հարված տալու Փաշիստ մարդակերներին:

Проф. Л. А. Иоаннисян
Засл. деятель науки

Медицина в Армении в древнейшие времена

(До этнического оформления армян)

Врачебное искусство в странах Востока зародилось с чрезвычайно древних времен. Основанное на простом инстинкте самосохранения и идущее навстречу самой естественной практической потребности человека — исцеления от болезней или облегчения страданий, врачебное искусство уже в глубокую старину получило довольно большое развитие в странах, стоявших на более или менее высоком уровне умственной культуры. В старых цивилизованных странах Передней Азии, несмотря на весьма частые грозные военные события, нередко сметавшие с лица земли целые государства и народы, имелось все же достаточно предпосылок для развития и распространения культурных начал. Многие отрасли тогдашних знаний, в числе прочих и медицинские традиции, широко распространялись из культурных центров тогдашнего мира или преемственно передавались от одних народов другим, сменявшим друг друга на арене истории.

Накопленные до настоящего времени факты и материалы позволяют заключить, что в древности страны Передней Азии были очагами довольно высокой культуры. Наибольшего расцвета и самостоятельности последняя в древности достигла в Египте, в Суммерийском царстве, Вавилонии и Ассирии. Отсюда она распространилась в семитические страны восточного побережья Средиземного моря (Сирию, Финикию) и северные области Передней Азии, а также повлияла на развитие генетически с ней тесно связанной эллинской цивилизации.

В древнейшую эпоху, приблизительно за 4000 лет до нашей эры, историческая Армения, а также Сирия, северная Месопотамия и восточная часть Малой Азии были населены очень многочисленным народом, называвшимся субарамн, вся же подвластная им страна называлась Субару, или Субарту. Государство Субарту вместе с Египтом и Вавилонией составляла крупнейшую державу старого мира. Периодически, в эпохи военных удач, во время бесчисленных военных столкновений с соседними народами — хеттами, сумерийцами и другими, субары держали в своих руках судьбы многих народов Передней Азии; субары достигли довольно высокой культуры, носящей все черты влияния древнейшей суммерийской цивилизации.

Позднее, приблизительно в 2000 году до нашей эры, большая часть Передней Азии была наводнена индоевропейским народом — митанами, или харри-митанами, которые завладели всей территорией Субарту и вместо разрозненного в племенном отношении государства субаров создали сильно централизованный государственный организм. Следы господствующего влияния митанийских элементов могут быть прослежены до значительно более поздних времен. Так, многие представители феодальной знати в Армении носили явно индоевропейские фамилии, что заставляет предполагать их митанийское происхождение.

Обнаруженная сравнительно недавно в Тель-Амарне дипломатическая переписка между митанийскими царями и египетскими фараонами открыла очень много интересного в области политической, экономической и культурной жизни митанов.

В эпоху наивысшего своего военного могущества митаны вступили в кровавый бой с Египтом из-за владения пограничными землями — Сирией и Палестиной, в результате чего земли эти были разделены между обоими соперничавшими государствами. После этого Митани заключает прочный мир с Египтом, ознаменовавшийся узами родства между царственными родами этих двух государств.

Почти одновременно с харри-митанами в Передней Азии появляются хетты, или хетиты. Последние осели в Малой Азии, к западу от Субарту, и основали здесь довольно мощное государство, которое пало в XII в. до н. э. Хеттские правители, воспользовавшись разделением Харри-Митанийского государства, в борьбе с последними довели его до состояния крайней слабости.

Хеттское государство представляло собой мощную конфедерацию народов, занимавших в эпоху своего политического расцвета всю Малую Азию, Сирию, Палестину и даже Ниневию.

Хетты достигли очень высокой культуры, повлиявшей не только на культуру соседних, но и весьма отдаленных стран. Так, следы влияния хеттской культуры можно видеть в Египте, Ассирии, Армении и даже в древней России (Бороздин). Некоторые обычаи и хеттские верования сохранились и до настоящего времени среди жителей Малой Азии (Гордлевский).

Хеттские элементы в различные эпохи их исторической жизни смешивались с населением Армении, особенно в пору их движения на Восток под напором фригийцев, а также в более поздние времена после разрушения хеттского государства. Хотя хетты не были никогда господами положения в Армении и не оставили на территории последней сколько-нибудь значительных памятников своей материальной культуры, но этническая близость их к армянам, оправдывающая данное им название арменоидов, близость хеттского языка к армянскому, влияние хеттского пантеона на армянский (Капанцян) и проч. делают понятной преемственную передачу армянам многих хеттских культурных традиций.

С XV века в Армении начинает появляться новый народ называ-

емый Наири. В начале XII века государство Наири подверглось жестокому разгрому со стороны ассирийцев, после чего в течение более двух веков страна эта не подавала никаких признаков жизни, однако в IX веке она вновь вышла на арену истории под названием урартов, или халдов. Не совсем решен еще вопрос об этническом происхождении урартов. Одни (Леман-Хаупт) полагают, что они пришли с запада, другие (Марр) считают их яфетидами; есть также мнение, что они были коренными жителями Армении, образовавшись в результате смешения между собой проживавших здесь в разное время народов—субаров, митанов и др.

Урартские правители сумели в IX веке до нашей эры соединить отдельные урартские племена, с царьками во главе, в одну единую государственную организацию, с политическим центром в городе Биайне, или Туспе (нынешний Ван). Этот коллектив государств под властью ванских царей весьма солидарно, решительно и часто не без успеха оспаривал у ассирийцев право на первенство и гегемонию в Передней Азии.

По иронии судьбы закат исторической жизни Урарту, начавшийся в VII в. до н. э., ознаменовался удивительным подъемом культурной жизни в этой стране, что впрочем уже не смогло остановить гибели Урартского государства.

Первое сравнительно менее значительное движение индоевропейского народа—фригийцев, или арменов, на Восток из Фракии началось в XII веке до нашей эры. Позднее, в VII—VI веках, мощная волна фригийского нашествия прошла через Малую Азию и почти смела государство хеттов. В пору падения Урартского государства фригийцы вошли в Армению и заняли всю ее территорию. В дальнейшем происходил длительный процесс ассимиляции фригийцев со старыми и более поздними аборигенами Армении, в результате чего и завершилось этническое оформление армян.

Старые обитатели Армении повлияли не только на этническое происхождение армян; их влияние можно проследить и на языке, культуре и бытовых традициях, в той или другой степени связанных с полученным армянами наследием от бесследно исчезнувших цивилизаций Древнего Востока. В современной науке имеется немало доказательств сходства армянского языка с хеттским (Иенсен, Капанцян), урартским (Марр), субарским и митанским; о сходстве армянского языка с фригийским было известно еще Геродоту. Наконец, армянами заимствовано от своих предшественников немало элементов и из области врачебного искусства.

Истинной колыбелью культуры и в частности врачебного искусства Древнего Востока является Вавилония. Вавилонская цивилизация, в отличие от более замкнутой в себе египетской, отличалась значительно меньшей изолированностью, являясь прямым продолжением и дальнейшим развитием древнейшей суммерийской культуры. Вавилонская культура перешла в соседнюю Ассирию и отсюда стала

распространяться по разным странам, начиная, по Курциусу, „от Армении до Сирии, от Персидского залива до Средиземного моря“; она легла также в основу позднейшей греческой науки. Но Cefele, следы вавилонской медицины, проникшей в Европу через Византию, можно проследить до XVI века, в то время как египетская медицина проникла в Европу через арабов и Салернскую школу (Тураев). Во всяком случае из стран Передней Азии сколько-нибудь значительной самостоятельности медицина достигла главным образом в государствах Месопотамии, в других же странах она носила по преимуществу подражательный характер.

На Древнем Востоке, равно как в первобытном обществе, врачебное искусство почти повсеместно носило магический и мистический характер, перемешанный в той или иной степени с эмпирически накопленными данными о пользе тех или иных мероприятий или лекарств при различных болезнях. Болезнь, по представлениям древних аборигенов Передней Азии, возникала под влиянием злых духов или демонов, которые подстерегали на каждом шагу человека, ставили ему ловушки и всячески старались причинить ему какой-либо вред. Демоны считались причинами вообще всякого несчастья в природе, стихийных бедствий, например, голода, неурожаев, заболеваний, особенно эпидемического характера. Последние, по старым ашмистическим воззрениям, возникали вследствие внедрения злого духа в организм человека; ввиду этого для лечения болезней надо было первым делом найти средство для изгнания зла из организма больного. Отсюда и становится понятным основной лечебный арсенал тогдашней медицины: различные мистические обрядности, талисманы, амулеты, заклинания, колдовства, окуривания, заговаривания, с произношением различных бессмысленных слов, и всевозможные магические приемы играли важную роль в качестве средств, могущих умиловить злых духов или изгнать их вовсе из организма вместе с порожденными ими болезнями. Вследствие таких воззрений медицина всецело сохранялась в руках различных заклинателей, колдунов, но главным образом жрецов-служителей различных культов. Для большего успеха лечения, кроме мистико-магических средств, жрецы и иные врачеватели вынуждены были применять также и рациональные средства, например, различные виды лекарств. Правда, лекарственные вещества назначались не в качестве средств, которые должны были восстановить здоровье непосредственным своим целебным действием на организм, но лишь с целью укрощения, умиловления или изгнания злого начала, вызвавшего болезнь. Отчасти этим и объясняется применение некоторых, заведомо нерациональных или отрицательных средств (фекалии и пр.), которые не могли иметь какого-либо лечебного значения и должны были лишь способствовать изгнанию злого духа. Эффект лечения при этом приписывался не действию лекарства, как такового, но сопровождающим назначением последнего мистическим обрядностям, которые были неизбежными для тогдашних

воззрений на болезнь атрибутами. Применявшиеся для изгнания духов некоторые мероприятия, в виде поколачиваний, насечек и даже хирургических операций, разумеется, могли оказаться также полезными лечебными приемами в случае применения их с правильными показаниями.

В древности наивысшего развития мистико-магическая медицина достигла, повидимому, в Халдее. В этой стране она развилась до такой степени, что можно говорить даже о возникновении целых систем, позволивших магической медицине внешне принять вид цельного учения, называемого теперь демонологией. Демонизм широко распространился по разным странам и, между прочим, проник в Армению, где встретил подходящую почву для своего развития и процветания. В быту праармян демонические представления, колдовские приемы и суеверия были довольно распространены.

Так, сохранилось много бронзовых изображений злых духов и крылатых демонов хеттского и урартского происхождения, игравших ту или иную роль в указанных выше демонических представлениях этих народов. В союзном договоре, заключенном между хеттским царем Муватталом и царем Сунашсурой, говорится, что ни тот, ни другой из договаривающихся лиц не должен встречать послов другого царя, имея при себе колдовские растения.

Халдейский демонизм в дальнейшем подвергся всевозможным изменениям, сперва под влиянием фантастических бредней старинных философских систем, перемешавшихся с древними религиозными воззрениями, позднее же под влиянием учения неоплатоников, астрологов, а также христианского вероучения.

Вера в силу демонических влияний пустила столь глубокие корни в Армении, что представления эти не были окончательно изжиты в быту менее культурных слоев населения до последних времен¹.

Христианство не только не искоренило старых демонических представлений и суеверий, но даже еще больше способствовало их укреплению. Вера в мистико-магическую силу божественного начала была целиком перенесена и на элементы христианской религии. Описание различных чудесных исцелений под влиянием искренней и глубокой веры, влияние различных святых, находящихся в постоянном сношении с божественным началом, чудотворцев и прочее, представляет собой лишь охристианизированную форму старых демонических воззрений.

В некоторых средневековых армянских медицинских рукописях, хранящихся в Матенадаране, можно встретить наряду с рациональными лечебными приемами остатки старой теургической и демонической медицины, мало отличающейся от древнейших представлений

¹ Между прочим, сказанное получило свое литературно-художественное отображение в повести Ширванзаде под заглавием „Злой дух“.

по этому вопросу. Такое же значение имели и различного рода свитки, распространенные в христианские времена, с написанными на них молитвами против тех или иных болезней. Все эти приемы, являющиеся остатками древнейших, дохристианских верований, восходят к эпохе младенческих представлений о сущности врачебного искусства; они свидетельствуют о тех благоприятных условиях, которые нашел халдейский демонизм на христианской почве, лишь с некоторым христианским переосмысливанием старых анимистических воззрений.

Впрочем следует отметить, что не только древнейшие народы Передней Азии, но даже высокообразованные греки, давшие со времен Гиппократов многих гигантов медицинской творческой мысли, не были свободны от суеверных представлений в медицинской практике. Жрецы храмов Эскулапа прибегали к заклинаниям и суеверным обрядностям, причем все эти приемы до того вкоренились в греческой медицине, что даже в средние века греческие врачи отдавали дань своему времени и своим традициям и назначали больным кроме лекарств еще амулеты и другие подобные средства. „Образованный грек не стыдился своего спокойного благочестия; будучи врачом, он хорошо знал границы своего искусства и там, где он чувствовал себя бессильным, он охотно уступал место богу, в котором чтит своего покровителя, патрона“ (Мейер-Зюдгоф).

Остатки мистической медицины среди определенных слоев населения некоторых стран, не сумевших освободиться от религиозного дурмана, сохранились еще и в наши дни. Для примера можно упомянуть про ту целительную славу, которая приписывается верующими адептами католической церкви чудодейственному источнику Лурда, привлекающему ежегодно, даже в наши дни, десятки тысяч больных, в такой культурной стране, как Франция. Еще не так давно среди закавказских народов существовал обычай воздерживаться от лечения некоторых заразных заболеваний, так как болезни эти находятся под покровительством ангелов. Для умиловления последних над такими больными проделывались различного рода обрядности, за исключением того, что имеет отношение к лечению, так как лечебные мероприятия, по народным представлениям, могли бы вызвать гнев и месть со стороны покровителей этой болезни.

При всем сказанном следует признать, что рациональная медицина на Древнем Востоке все же достигала известного развития. В частности об этом свидетельствует написанный в Вавилоне приблизительно за 2250 лет до нашей эры так называемый кодекс Хаммураби, где приведены были правовые нормы вавилонских врачей. При том сумбурном представлении, которое имели в те времена врачи о происхождении болезни, следует все же признать, что картины болезней, особенно вавилонскими врачами, отличавшимися большой наблюдательностью, представлялись для своего времени сравнительно не плохи.

Есть указания также о существовании в древности и медицинских школ, по крайней мере такие существовали в Египте и Вавилонии.

Сохранившиеся памятники цивилизации древних аборигенов Армении слишком недостаточны, чтобы можно было получить сколько-нибудь полное представление о состоянии у них врачебного искусства. Ввиду этого судить об этом вопросе придется лишь на основании некоторых отрывочных, зачастую чисто случайно дошедших до нас сведений.

О медицине митанов и тем более субаров сохранилось очень мало данных. По всем видимостям, митаны заимствовали врачебное искусство у ассирийцев и вавилонян. Так, митанами был заимствован культ знаменитой богини Иштар (Астарты), матери-покровительницы природы, богини плодovitости и плодородия, к которой часто обращались также с мольбой об исцелении от тех или других заболеваний. Богиня эта была весьма популярна на Востоке — у вавилонян, ассирийцев, хеттов, сирийцев и проч., и была известна у них под разными наименованиями — Ма, Деркетю, Кибела и проч. В пантеоне армянских богов она фигурировала под названием Астхик и считалась покровительницей больных людей и беременных женщин и богиней медицины. Культ этой богини проник из Передней Азии в Грецию, где она была известна под названием Афродиты, а также в Рим — под названием Венеры. Замечательно то, что в древности божественное начало у различных народов, покровительствующее и охраняющее здоровье людей, всегда было женского пола: Изида в Египте, Гигиеня, дочь Асклепия, богиня здоровья (отсюда — гигиена), а также Панакея (отсюда панацея) у греков и пр.

Митанийский царь Тушрата (1387—1367 г.г. до нашей эры), когда зять его, престарелый египетский фараон Аменофис III или IV (?), заболел какой-то тяжелой болезнью, послал фараону для его исцеления статую богини Иштар, взятую из Ассирии, бывшей тогда в вассальных отношениях с Митанией. Высоко преклонявшийся перед всемогуществом богини Иштар, митанийский царь ставит при этом фараону обязательным условием возвращение этой статуи обратно; угрожая в противном случае различными проклятиями. Статуя Иштар для такой же цели посылалась в Египет неоднократно и в иных случаях, при заболеваниях кого-либо из членов многочисленной женской свиты, данной митанийским царем в приданое своей дочери, жене фараона. Между прочим, в списке приданого, которое было дано митанийским царем, фигурировали различные колдовские предметы, предназначавшиеся для того, чтобы удлинить жизнь фараона на 100000 лет, всевозможные благовония, бывшие в большом ходу у митанов и применявшиеся в качестве лечебных средств, и пр. Однако, ни богиня Иштар, ни талисманы не помогли Аменофису, и он умер от той самой болезни, против которой Иштар посылалась в Египет.

Значительно больше сведений сохранилось о медицине у хеттов. Кроме неизбежной Иштар, в обширном пантеоне хеттских богов фи-

гурирует еще Нергал, страшный бог чумы, вызывавший, по представлениям хеттов, появление чумной эпидемии. Культ Нергала был хеттами заимствован, вероятно, у вавилонян. У последних Нергал, муж богини подземного мира Аллату, был богом войны и эпидемических заболеваний. Кроме богов в хеттском пантеоне сохранились еще и демоны, скульптурные изображения которых дошли до нас в некотором количестве и которые, по представлениям хеттов, играли роль в возникновении болезней.

Хеттам было известно о некоторых хирургических операциях, например, кастрации. Операция эта производилась, вероятно, не столько с лечебными, сколько с культовыми целями (половые органы после операции приносились в жертву богине—матери природы).

Особенно много сведений сохранилось о судебной медицине хеттов. Сведения эти выявлены после дешифровки обнаруженных в Богазкее написанных на глиняных табличках хеттских законов. Из этих законов мы узнаем, что у хеттов были врачи, занимавшиеся лечением больных и получавшие за это гонорар. Хеттские законы брали под свою защиту беременных женщин, и за причинение им выкидыша виновный подвергался денежному штрафу. Размер штрафа зависел от периода беременности и от социального положения пострадавшей женщины. Так, если выкидыш был причинен свободной женщине на 10-м месяце беременности, виновный должен был уплатить 10 сиклей серебра¹, если на 6-м, то 5 сиклей серебра; если пострадавшая была рабыней, беременной на 10-м месяце, виновный платил 5 сиклей серебра. При сроках беременности, меньше указанных, виновные, повидимому, освобождались от штрафа. Уплатой штрафа виновный искупал свою вину².

Половая распущенность в некоторых случаях преследовалась законом: например, при сожительстве с женой брага, если последний был жив, или при одновременном сожительстве со свободной женщиной и ее дочерью или сестрой.

Преследованию не подвергалась рабыня или проститутка, сожительствующая одновременно с отцом и сыном, или мужчина, сожительствующий с несколькими рабынями. Таким образом, полигамия, а в определенных условиях и полиандрия в пределах внебрачного сожительства хеттами допускалась.

Изнасилование женщины каралось смертью, если оно совершено было в горах. Также каралось изнасилование матери, дочери, сына

¹ Сикль—мера веса; сикль серебра приблизительно соответствовал месячному заработку ремесленника.

² Наказания за причинение женщине выкидыша фигурируют и в Вавилонском кодексе Хаммураби и даже в древнейших шумерийских законах. По шумерийским законам, за выкидыш, причиненный нечаянным ударом, полагался небольшой денежный штраф, но за выкидыш, последовавший в результате злого умысла, штраф этот значительно возрастал. В этом отношении хеттское, равно как и вавилонское законодательство, не проводившее означенной разницы, представлялось более отсталым.

и мачехи, но последней лишь при живом отце; при умершем отце изнасилование мачехи не каралось вовсе. Свободное сожителство с матерью и дочерью, если это последовало с их согласия, не подвергалось наказанию, равно как допускалось кровосмешение в виде сожителства с кровными родственниками. Если мужчина вступил в половую связь с чужой женой, то оба они карались смертью. Муж, заставший жену с любовником, мог убить их обоих на месте преступления и за это не нес никакого наказания. В то же время мужу предоставлялось право даровать виновным жизнь, но только с разрешения царя, и не иначе как обним им вместе. При этом мужу предоставлялось право сделать виновника своим рабом.

Мужской гомосексуализм допускался свободно и в определенных условиях брался даже под защиту закона. Содомия с одними объектами каралась смертью, с другими освобождалась от наказания.

Царю предоставлялось право помилования виновного, но появляться после этого перед царем он не имел права.

В случае причинения человеку поранения или увечья виновный платил денежный штраф, даже если пострадавший был рабом. При утрате пострадавшим трудоспособности, виновный должен был дать человека, который бы работал в доме потерпевшего, а также обязан был уплатить гонорар за лечение врачу. Если в результате ранения следовала смерть потерпевшего, виновный должен был дать человека как вознаграждение. Этот пункт, как и некоторые другие места в хеттских законах, где говорится о предоставлении виновным для искупления вины одного или двух человек, или даже животных, недостаточно ясен. Судя по одному намеку (§ 85 второй части хеттских законов), можно думать, что эти замещающие лица подвергались смерти вместо истинного виновного. Принесение таких искупительных жертв в качестве культового обычая было очень распространено в древнем мире, причем в жертву приносились чаще всего сельскохозяйственные животные, и лишь редко человеческие.

Не безынтересны также сведения, содержащиеся в хеттских законах по вопросам ветеринарии. Так, в случае причинения вреда здоровью животных или нанесения повреждения, вызвавшего выкидыш, виновный подвергался денежному штрафу. При продаже животного, страдающего болезнью *halı*¹, купивший мог подать жалобу (очевидно, для возмещения убытков), и такие животные должны были оставаться бесплодными в течение трех лет. При найме рабочего скота, в случае если животное оказывалось больным, собственник должен был взять его обратно и дать замену.

При всей полноте приведенных сведений для характеристики интересующего нас вопроса, хотя бы в отношении лишь данных из

¹ Не ясно, о какой болезни идет здесь речь. Джишкарини думает, что *halı* значит выхолощенный, однако смысл текста, где употребляется это слово, решительно противоречит такому объяснению.

области судебной медицины хеттов, все же они проливают некоторый свет на явления общественно-бытового характера, имеющие отношение к вопросам охранения здоровья. Медицина у хеттов достигла развития, соответствовавшего социальному характеру и всему укладу жизни древней деспотии, но в значительной степени смягченной влиянием той высокой культуры, которую развили хетты в своей стране. При этом обращает на себя внимание отсутствие элементов излишней жестокости в хеттских законах, сравнительно гуманное отношение к рабам, признание за ними человеческих прав и, во многих случаях, защита их прав законом. В частности, в отношении нарушения правил нравственности хеттские законы не отличаются излишней строгостью; но денежные штрафы все же в общем были довольно высокими для тогдашних времен.

Многочисленные археологические изыскания, а также клинописи урартов и тех ассирийских царей, которые оставили памятники своих деяний на территории Урарту, дают немало сведений о жизни и цивилизации урартского народа. К сожалению, сведения эти не достаточны для получения сколько-нибудь цельного представления о том характере, какое имело у урартов такое сложное дифференцированное искусство, как врачебное.

Несомненно, в урартском пантеоне были боги—покровители больных людей. К таковым, по Капанцяну, относится бог—защитник болезней *irmusini*, а также бог здоровья, радости и величия *xutulni*, к которым обращались урартские цари с соответствующими мольбами. К богу Халду, главному богу в урартском пантеоне, бывшему символом политической мощи и экспансии урартов (Капанцян), также обращались с мольбами о сохранении здоровья и долголетия; ему же посвящались в этих случаях в виде приношения особые щиты, имеющие на изображении Мусасирского храма, или каменные столбы с соответствующими надписями.

К числу культовых памятников, дошедших до нас со времен урартов, относятся такие фаллусы, сохранившиеся в Армении в довольно большом количестве. Вероятно, этот фетишистский культ был занесен сюда впервые индоевропейцами (митанийцами), поскольку родиной фаллического культа следует считать Индию. В странах Передней Азии и в Египте культ этот в древности был очень распространен, отсюда он проник также в Европу. В Помпее сохранилось громадное количество фаллусов, дошедших чаще всего в виде предметов домашнего обихода.

Фаллус представляет собой изображение мужских половых органов, символизировавшее, в понятиях древних, плодородие, плодovitость и размножение. Найденные в Армении фаллусы представляют собой каменные изваяния, величиной от 20 до 130 сантиметров (а иногда и больше), или нарезные изображения на камнях. Находили их иногда в могилах, куда они клались для предохранения умерших от влияния злых духов (Лалаян), а также в местах паломнических

тва и поклонения. Замечательно то, что вера в фаллусы не была окончательно изжита до сравнительно недавних времен и сохранилась в форме древнейших верований, особенно среди женщин, страдавших бесплодием или агалактией (скудным отделением молока в период кормления).

Бесплодные женщины приходили на помолвице к каменным изваяниям фаллуса, передвигались вокруг него, молили о желании иметь детей, ставили свечи и терлись животом о фаллус в надежде забеременеть. Женщины, не имевшие грудного молока, приходили к фаллусу с детьми, молились и смазывали фаллус маслом. Если масло таяло, то это обещало успех лечения.

Замечательно то, что и в других странах, где еще держатся остатки фаллического культа (в современной Франции и проч.), этот обычай сохранился в совершенно сходном виде. Иногда вместо фаллусов применяют различные фаллусоподобные предметы (каменные стержни и прочее). Таким образом, приведенные обычаи представляют собой из века в век передающиеся остатки народных верований, удивительным образом сохранившиеся в древнейшей своей форме. Так фаллус, найденный близ Татева в Зангезуре, называемый пупочным камнем, в значительной степени стерся вследствие того, что он веками подвергался трению о женские животы (отсюда и название их „пор-такар“, т. е. пупочный камень).

В Армении найдено также некоторое количество бронзовых статуеток с более или менее выраженными фаллусами. Повидимому, эти фигуры также встарину имели культовое значение. Хотя большая часть этих статуеток найдена в развалинах урартской крепости, однако компетентными исследователями высказано предположение, что они хеттского происхождения (Х. Самвелян).

В современном быту многих народов сохранились еще некоторые следы фаллического культа, значительно изменившие свой первоначальный культовый смысл. Сюда относятся ношение некоторых украшений, например, серег, напоминающих по форме фаллусы и применяемых против дурного глаза; затем, выпекание пасхальных куличей (пасок), по форме напоминающих фаллусы и употребляющихся с древних времен в пору весеннего пробуждения природы, и пр.

Фаллусы в Армении были найдены в Таташаре, Храме, Карчеване, Завалу, близ Татева, и пр. Их находили также в армянских селах Ахалкалакского района (в Грузии).

Одним из интереснейших памятников урартской медицины является найденный в конце 1926 г., во время раскопок, произведенных членами Комитета Охраны древностей Армении близ Еревана, возле каменоломен селения Аван, скелет урартийца с трепанационным отверстием на черепе. Отверстие это, размером в 4×1 см., находится в области теменной кости и произведено путем соскабливания последней.

Трепанация черепа в отдаленном прошлом производилась многими

народами, стоявшими часто на весьма низкой ступени культурного развития. В Англии найдено три черепа со следами трепанации, относящихся к бронзовому веку. Доктор Вильсон Перри, специально изучивший этот вопрос, предполагает, что операция эта производилась следующим образом: хирург бронзового века становился на колени, зажав между ними голову пациента, и производил операцию с помощью кремневых инструментов. Трепанация в древности производилась путем просверливания или соскабливания кости. Вероятно, при этом применялись для обезболивания наркотические средства (алкоголь и др.). Трепанация черепа делалась для изгнания злого духа через трепанационное отверстие. Следует думать, что, по крайней мере, в некоторых случаях, при правильных показаниях производства трепанации, операция эта могла принести известную пользу (например при эпилепсии, вызванной вдавлением костей черепа, и пр.). В народной медицине на Кавказе (у дагестанцев) операция эта производилась до весьма недавних времен. Находка означенного черепа свидетельствует все же о той высоте, на которой стояла хирургия у урартов.

Сохранились и иные памятники хирургии урартийцев. Сюда относится интересная статуетка, найденная Леман-Хаутом в Топрак-Кале, изображающая, судя по внешнему виду, евнухоида. Это свидетельствует о том, что урартийцы умели производить и операцию кастрации. Статуетка эта, высотой в 35,5 см. и шириной в 10,5 см., сделана из бронзы, голова ее, из белого камня, несколько повреждена; глаза состоят из камней, вероятно, драгоценных. Хранится она в данное время в Берлине. Кастрация, как это было уже сказано, производилась в древности у многих народов, больше с культовыми целями.

Среди предметов дохристианского, вероятно, урартского происхождения в Ереванском национальном музее находится ряд медицинских предметов бронзового века — эпиляторов, пинцетов и пр., завершающих все то немногое, что сохранилось в качестве памятников урартской медицины. Предметы эти были найдены в старых языческих погребениях под развалинами города Ани.

В правление лучшего из урартийских царей, Менуа (810—785 гг. до нашей эры), ознаменованного крупными военными успехами в борьбе с ассирийцами, в Урарту были открыты различные медицинские и гигиенические учреждения и сооружения. Сюда относятся благотворительные учреждения, о характере которых, к сожалению, не сохранилось сведений, водопроводные сооружения, действующие и в настоящее время, и пр.

До нас дошли некоторые сведения также и о медицине фригийцев. Судя по тому, что фригийская медицина повлияла в свое время на развитие этой отрасли знания даже в весьма отдаленных странах, надо думать, она достигла у этого народа довольно большого развития. Так, фригийцами был введен в практику метод лечения посредством

ством игры на музыкальных инструментах, пения и плясок с активным участием самого больного. Танцы и пение как лечебное средство были заимствованы у фригийцев Асклепием и введены им в греческую медицину. Следы фригийской медицины можно найти у многих народов древности. Так, у этрусков встречается культ фригийских „кабиров“ (жрецов, большей частью оскотенных), почему медицина у них первоначально заключалась в молитвах, диететических средствах, заклинаниях и предписаниях сивилиных книг. Этруски занимались также лечением болезней посредством волшебных плясок, пения песен по фригийским образцам, что создало им среди римлян славу весьма опытных врачей. Римляне ввели у себя также почитание мистерии „кабиров“ и, кроме того, они сооружали храмы фригийским медицинским богам (Ковнер).

Обычай лечения больных посредством игры на музыкальных инструментах, непосредственно унаследованный у фригийцев, сохранился у армян в течение очень долгих времен. Так, историк XIV века Степан Орбелян рассказывает, что некая девица Саардух, сестра известного ученого Степана Сюнийского, была прекрасно знакома с музыкальным искусством и лечила музыкой больных людей. Армянский врач VII века Михаил Гераци в своем произведении, носящем название „Утешение в лихорадках“, также рекомендует лечение некоторых лихорадочных заболеваний посредством игры на музыкальных инструментах и пения приятных мотивов. Такие же сведения имеются и в труде армянского врача XV века Амирдовлата.

Талантливый певец XVIII века Саят-Нова в своей песне о весьма распространенном в Армении музыкальном инструменте, называемом „каманча“ (род струнно-смычкового инструмента), говорит в последней строфе следующее (в переводе В. Брюсова): „Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров больной“. Точный подстрочный перевод этого места в прозаической форме должен быть однако таким: „Ты (т. е. кяманча) радуешь глубоко опечаленное сердце и обрываешь лихорадку у больного“. Судя по этим строкам, а также соответствующим местам Мхитара Гераци и Амирдовлата, музыка применялась в качестве лечебного средства главным образом при лихорадочных заболеваниях.

Удивительно то, что способ народного врачевания посредством музыки и пения сохранился в Армении даже в XIX веке. Доктор Минкевич описал существовавший среди армян бывшей Елисаветпольской губернии обычай лечения некоторых лихорадочных заболеваний посредством игры на музыкальных инструментах и плясок с участием самого больного, независимо от состояния его сил. Минкевич полагает, что обычай этот есть не что иное, как сохранившиеся в преданиях народа танцы карабантов, т. е. фригийских жрецов (собственно карабанты—это были оргические танцоры). Причину сохранения этого обычая среди армян Минкевич видел в близости Фригии или в родственных отношениях фригийцев с армянами. Обы-

чай этот долгое время был распространен и в других местностях Закавказья. Замечательно то, что он существовал и во многих отдаленных странах, даже до последних времен¹.

Таковы в общем те сведения, которые сохранились о врачебном искусстве у древних аборигенов Армении и которые в той или иной степени были восприняты армянами от генетически связанных с ними исторических предшественников.

¹ Повидимому, обычай этот существовал и в России. В известной пьесе Максима Горького „Егор Булычев“ герой этого произведения делает попытку излечиться у знахаря посредством трубных звуков.

Хорен Саркисян

Новая армянская поэзия на рубеже XIX и XX столетий

(Из материалов армянской декады)

Армянская поэзия 80—90-ых годов прошлого века и первых двух десятилетий нашего века выросла на той почве, которая была подготовлена поэзией 60-ых годов.

60-ые годы в истории армянского народа характеризуются бурным ростом национального самосознания, мечтаниями об обновленной жизни, надеждами политической свободы.

Это были годы, когда Микаел Налбандян, окрыленный идеей русской крестьянской революции,—которая должна была дать освобождение и армянскому народу,—написал свою знаменитую „Песню свободы“, где в сгущенной форме поэзии дал всю философию многовековой истории армянского народа—неукротимое стремление к независимой жизни.

Это были годы страстной поэзии Рафаела Патканяна. Патканян—поэт великой любви к родному народу и великой ненависти к его врагам. В этой любви и ненависти Патканян неутомим. Его поэзия сурово-назидаящая и гневно-обличающая. Беспощаден Патканян к господствующим классам армянского общества: он разоблачает их яростно. Но в силе Патканяна подмечается слабость, в его ярости—беспомощность: разоблачая господствующие классы, Патканян одновременно опирается на них в деле освобождения армянского народа. Отсюда—наряду с силой—бессилие и надломленность его поэзии.

В эти годы творили Шахазиз, Пешикташлян, Дурян. Дурян лирик, в каждом слове которого чувствуется трепет его души. Он умер 20-и лет от туберкулеза, написав всего тридцать—сорок стихотворений. Его поэзия—это вопль, короткий, но душераздирающий крик обреченного и вместе с тем безгранично любящего жизнь человека. Все человеческие чувства и страсти огненной вереницей проходят по его сознанию: любовь и ненависть, надежда и разочарование, угроза и мольба, возмущение и жалоба, проклятие и раскаяние—и все они запечатлеваются в стихах легких и изысканных. Поэзия Дуряна означает полное освобождение личности от сковывающих его пут основанного на эксплуатации общества.

Однако же, как ни человечна поэзия Дуряна, как ни велики достижения поэзии Пешикташляна, Патканяна, Шахазиза,—в твор-

честве этих поэтов нет еще подлинно народного духа, нет еще народной психологии; творчество этих поэтов еще не достаточно оплодотворилось богатствами народной словесности.

Первый поэт новой армянской поэзии, в творчестве которого народ непосредственно присутствует, который широко воспользовался мотивами народного творчества, в частности народной песни, — Иоаннес Иоаннисян.

Иоаннес Иоаннисян родился в 1864 году в Вагаршапате, близ Еревана. Среднее и высшее образование он получил в Москве, в Лазаревском институте и на историко-филологическом факультете Московского университета. Иоаннес Иоаннисян был прекрасным знатоком русского языка, русской литературы и культуры. Писать начал с юношеских лет; первый сборник его стихотворений вышел в 1887 г. в Москве. Свою жизнь — по окончании образования — Иоаннес Иоаннисян провел в основном в родном Вагаршапате, занимаясь преподаванием русского языка и литературы в Эчмиадзинской духовной академии, а также в Баку и Ереване. Иоаннисян умер в 1929 г.

Еще Микаел Налбандян, размышляя в Петропавловской крепости о судьбах армянского народа и о путях его дальнейшего культурного развития, писал в 1864-ом году о необходимости обратить сугубое внимание на фольклор, на устную словесность, чем армянский народ особенно богат.

Десятилетием позже, в 1873—74-ом году, был впервые записан и издан первый вариант „Давида Сасунского“. После этого началось усиленное собирание, издание и изучение как эпоса, так и вообще всей совокупности армянской народной словесности — сказок, песней и т. д.

В этом широком интересе к народному творчеству поэзия приняла участие в том смысле, что она, — в лице Иоаннеса Иоаннисяна — соприкоснувшись с сокровищницей устно-художественных созданий народа, черпала оттуда силу и вдохновение.

Араз течет, волной бия,
Волной в утес крутой бия.
Где схороню свою тоску,
О землю головой бия?

В этих строках или в следующих:

*Снег засыпал все пути, —
Ни проехать, ни пройти!
Ах, раскройся, Алагез,
К моей милой пропусти

— дан весь ритм народной песни, ее задушевность, простота, безыскусственность. Поэт томится любовью — в этом томлении и тоска и смутное ожидание радости. Эти и подобные песни Иоаннисяна — отчасти переложенные на музыку — пользуются огромной популярностью в ар-

мянском народе и подчас воспринимаются как чисто народные. Достойная награда поэту!

Но в творчестве Иоаннисяна фигурируют не только любовные мотивы народной песни. В „Сельской церкви“ конкретными образами он дает картину угнетения деревенского люда.

В стихотворении „Зерно“ поэт дает всю крепость армянского крестьянина:

С тобой свое горе я сею, зерно!
Но бог повелит и ты встанешь опять:
Умрет под землей только горе одно,
А ты возвратишься меня утешать.
Но если в грехах я погряз без конца
И милости нет мне,—я в море тогда
Весь пот обращу трудового лица,
Чтоб жажды не знало зерно никогда!

Последние строки в особенности характерны: в них воплощены, во-первых, подлинно-народный образ, а во-вторых — безграничное упорство и энергия армянского крестьянина. Это, строго говоря, образ всего армянского народа, твердого и трудолюбивого, в течение тысячелетий преодолевшего тысячи препятствий и невзгод.

Не взирая на минорный тон своих стихотворений — от зноя средневековых армянских поэтов у Иоаннисяна ничего нет, у него только воздыхания — наш поэт отличается оптимизмом, когда речь, в особенности, заходит о родном народе:

Но нет, ты не умрешь! Я верю в обновенье;
Оно должно притти,—оно к тебе придет!
Во мраке вековом горит звезда спасенья!
Проснися, близок час, о родина, он ждет!

В стихотворении „Рождение Ваагн“ этот оптимизм — уже языческая бодрость, бурная жизнерадостность, светлое творение:

Бурного моря пурпурный прибой
Ходит, и хлещет, и берег разит.
Юноша реет над ним огневой,
Огневой пасти разверстой грозит.
Ветры, не дуйте! Родился Ваагн!
Волн не бичуйте!... И взвился Ваагн:
Конь под Ваагом — крылатый огонь!
Гривой взмахнул — и в поднебесье конь!

Ваагн — бог древнеармянской мифологии. Историк V века Моисей Хоренский оставил потомству прекрасную народную песню о нем, которую и обработал Иоаннисян, — творческое соприкосновение с чудесными народными сказаниями дало свой первый и зрелый плод!

Поэтической практикой Иоаннисяна обработка народных сказаний делается неотъемлемым достоянием армянской словесности.

Тонкое и чуткое чувство природы у Иоаннисяна находится в самой тесной связи с его использованием народных мотивов.

Лучшей иллюстрацией этого является стихотворение Иоаннисяна, посвященное родине. Вот первые две строфы этого стихотворения:

Ты видал ли холмов золотые ряды,
Где весна бесконечно наш радует взгляд,
Где невянущей зеленью дышат сады
И где зреет янтарный в кистях виноград?

Ты видал ли родные луга и поля,
Где гвоздика, где лилия ярко цветет,
Где купается в радостном солнце земля,
Где извечною негой согрет небосвод?

После Патканяна и Шахазиза творчество Иоаннисяна внесло, несомненно, свежую струю в восточно-армянскую поэзию. Иоаннисян проложил путь к сокровищнице народного творчества. Поэтом, который последовал за ним и для которого необозримое море народных словесных созданий было подлинной творческой средой,—таким поэтом оказался Ованес Туманян.

Ованес Туманян родился в 1869 г. в Лори, в деревне Дсех, ныне Туманян. Лори—сказочно-красивый уголок Армении. Туманян учился в родной деревне, а также в Тбилиси, в семинарии Нерсисян, которой он не окончил.

Основными источниками обширных познаний Туманяна были его глубокое знание народа и непрерывное общение с ним, его острая и вдумчивая наблюдательность, наконец, чтение по всем отраслям науки и литературы. Подобно древнегреческим мудрецам, Туманян высоко ценил беседу, живую беседу с человеком, будь то неграмотный, но полный жизненного опыта крестьянин, или интеллектуально высокоразвитый интеллигент. Беседа для Туманяна была орудием спокойного и безмятежного разыскания истины, жизненной правды и наслаждением этой правдой.

Писать Туманян начал 10—12-и лет, печататься—в начале 90-ых годов, несколькими годами позже Иоаннеса Иоаннисяна. Первые два сборника его стихотворений вышли в Москве, в 1891 и 1892 гг.

Туманян стоял в центре литературно-общественной жизни Тбилиси. Он стоял во главе литературного содружества „Вернатун“, которое объединяло передовых армянских писателей и поэтов конца XIX и начала XX столетий—Газароса Агаяна, Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна. Он был инициатором и организатором Кавказского общества армянских писателей, которое объединило более обширный круг тружеников пера и интенсивно работало в особенности в годы империалистической войны. Туманян поддерживал самую тес-

ную связь с грузинскими литературно-общественными кругами. Он был символом объединения и мирного, братского сожительства народов Закавказья—грузин, азербайджанцев, армян. Туманян был одним из первых армянских интеллигентов, который нутром постиг сущность советской власти, его глубочайшую народность, приветствовал установление советской власти в Армении и работал для нее.

Туманян умер в Москве, в 1923 году.

Тесная, органическая связь с народом является самой характерной чертой личности и творчества Туманяна. О сказителях он говорит следующее: „Каждый из них является музеем легенд, преданий, древних народных верований. Вот где находится источник армянской литературы, вот где должен утолять свою жажду армянский поэт, армянский романист, армянский писатель для того, чтобы возмужать“.

Туманян утолял свою жажду именно из этого животворящего источника народной словесности и, подобно Давиду Сасунскому, набрался богатырской силы и творческой мощи. Деревцо Иоаннисяна разрослось у Туманяна в густую рощу.

Туманян обработал основную часть, сердцевину армянского эпоса „Давид Сасунский“, именно ветвь о самом Давиде, о его борьбе с Мсра Меликом, где он, оставаясь верным духу эпоса, на литературном, с легким уклоном к диалекту языке—что как раз соответствует сущности эпоса—дал законченный и реальный образ народного богатыря, наивного и простосердечного, но умного, миролюбивого, но воинственного, отважного защитника страны, демократа, свободолюбивого национального героя, который вобрал в себя все прекрасные качества своих предков—Санасара и львараздирающего Мгера—и высоко развил их.

Туманян обработал и довел до высокого художественного совершенства десятки легенд, в которых народ-хлебопашец, проводящий свой трудовой день то в темных ущельях, то на светлых вершинах гор издавна, с незапамятных времен привык передавать окружающей его величественной природе свою радость и горе, искать в ней объяснения человеческих страданий, запечатлевать в ней свою судьбу.

В легенде „Погос и Петрос“ Туманян описывает судьбу двух сирот, которые—чтобы избавиться от преследований злой мачехи—превращаются в птиц. В заунывной переключке лесных птиц слышна трагедия гонимого человека. Криком птицы символизируются горькие, плачевные моменты человеческого существования, символизацией отрыва природы как бы разрешаются недоумения человека, успокаивается его взволнованная душа.

Человеческое стремление к истине, правде, справедливости, искание „неугасимого огня“ нашло свое отражение в дивной легенде о гибели мотыльков, кружащихся вокруг огня: это—отважные витязи, которые

... селятся приблизиться,
чтоб овладеть огнем.

И вечно приближаются,
И вечно гибнут в нем.

А прекрасное, горное озеро Парвана—не что иное, как застывшие слезы девушки, пролитые в мечтаниях о большой и неизбывной любви, в мечтаниях и ожидании осуществления на земле жизненной правды.

Народ—а вслед за ним и его поэт, Ованес Туманян, непрерывно стучатся в великие ворота природы, непрерывно вопрошают ее, чтобы осмыслить человека и его чаяния, чтобы объяснить окружающий его социальный мир с его неурядицами.

Вслед за легендами Туманян обработал—главным образом в прозе—большое количество армянских народных сказок. В своих сказках Туманян рассказывает о силе добра и наказуемости зла, о конечном восторжестве справедливости на земле и гибели неправды, о стремлении народных масс к равенству и жадности царей, о смекалке и праведности, бесхитростности и простодушии простолюдина, бездушной эксплуатации и тупости сильных мира сего. Туманян описывает, как в борьбе с дэвами природа ежегодно возрождается и как это возрождение отражается радостью в душе человека. Туманян описывает превращения, метаморфозы человека и как в основе этих превращений лежит внутреннее преобразование человека, его преображение. В своих сказках Туманян возбуждает десятки морально-философских вопросов, в „Храбром Назаре“ и „Царе Чахчахе“ Туманян занят проблемой власти в классовом обществе. Все эти проблемы, даже самые большие свои обобщения, глубочайшие основы своего мировоззрения—широкое, свободное, радостное восприятие жизни—Туманян передает в поразительно доступной форме. Примером может послужить сказка о бедном сапожнике Гасане, жившем в дни Гарун-Аль-Рашида. Эта доступность, простота, ясность, сжатость, художественная завершенность являются основными достоинствами сказок Туманяна.

Однако, Туманян не ограничился одной разработкой эпоса, легенд и сказок. Прекрасное знание современной ему армянской деревни, тяжелой ее жизни, ее нужд, непрерывный и живой интерес к ней—все это, в конечном счете, не могло не претвориться в его сознании в законченные художественные фразы и образы. Эти образы воплотились в его поэмах и рассказах.

И „Маро“, и „Лорийский Сако“, вскрывая отрицательные, оттапливающие стороны армянской деревни, трогают читателя своим глубоко сочувственным отношением к человеку, к его несчастью. Но, конечно, самая замечательная поэма Туманяна—это „Ануш“.

Ни в одной поэме Туманяна—как и других армянских поэтов—народная жизнь с ее светлыми и темными сторонами не дана с такой исчерпывающей и художественной полнотой, как в „Ануш“. Художественное миропонимание армянского народа нашло здесь полное

свое отражение. Идиллия горной деревенской жизни, горных пастбищ и покрытых цветами полей воспроизведена ярко и красочно. Все—язык, ритм стихов, образы—все это находится в полном согласии с содержанием поэмы. Самые глубокие мысли и чувства Туманян выражает, довольствуясь окружающей обстановкой, довольствуясь народным словом, народным эпитетом и сравнением:

„О чем, родная, плачешь ты.
Тоскуешь ты—о чем?
И для кого ты рвешь цветы
В ущельях—день за днем?

Ты плачешь—роз весенних ждешь?
Для роз настанет май!..
Иль ты о милом слезы льешь?
Ушел он в дальний край!..

Его из плена никакой
Мольбой не воротить!..
Зачем напрасных слез рекой
Огонь очей гасить?

Зеленый холм его польет,
Оплачет дождь весной.
Тебя ж другой любимый ждет,
Таков закон земной“.

На фоне величественного горного пейзажа Туманян в „Ануш“ дал облик армянской патриархальной деревни с осуждением ее отсталых обычаев, „адатов“, и глубоким сочувствием к двум любящим существам, Ануш и Саро, эмоциональность и трагизм образов которых даны с предельной ясностью.

Глубоким сочувствием к обездоленному, обиженному человеку проникнуты не только поэмы Туманяна, но и его рассказы, все его творчество. В „Гикоре“ он дал трогательный образ деревенского мальчика, который погибает в сутолоке города, приехав туда в поисках заработка. Той же человечностью дышат рассказы Туманяна, посвященные жизни животных. В этих произведениях реализм Туманяна, пластичность его образов доходит до осязательности, до осязательности, в них каждой фразой завоевывается какой-то отрывок действительности, как его закон, его правило.

Замечательным документом гуманизма Туманяна, но отнюдь не пацифизма, является также его известная сказка „Капля меда“ с ее острой сатирой на деспотическую власть.

Сочувствие к человеку, к его превратной судьбе, к его горю—характерная черта творчества Туманяна. Туманян подлинный гуманист, и эта его любовь к обездоленному, к угнетенному также исхо-

дит от народа, ее корни также скрываются в толщах народного сознания.

Гуманизм Туманяна был тем ключом, который дал ему возможность вскрыть сущность Октябрьской революции, глубоко понять значение советской власти для пострадавшего за годы империалистической войны армянского народа.

Туманян, быть может, несколько наивно, но мудро—как то подобает истинному сыну народа—был поражен, между прочим, символом советской власти и рассуждал, что если хищник—лев или орел со своими когтями заменены мирными символами труда—серпом и молотом, то ясно, что в них воплощено нечто новое, непривычное, но глубоко справедливое отношение к человеку и миру.

Тот же гуманизм дал возможность Туманяну постигнуть смысл первой русской революции. Еще задолго до 1905 года в своей поэме „Стенание“ он с большой симпатией описал крестьянский бунт против царских чиновников, а легенду „Царь и чарчи“ (коробейник) он заканчивает следующими словами:

Покуда есть раб и покуда есть шах—
От жизни лихой не уйти никуда,
Всегда будут властвовать горе и страх,
Неправда, насилие, лишения, беда...

Документом первостепенной важности является следующий отрывок из письма Туманяна к одному из своих друзей—письмо написано в 1906 году: „Воистину, вряд ли когда-либо было побоище, столь безобразное, столь отвратительное, столь несправедливое и чудовищное, как армяно-татарское побоище. Быть может, в доисторические времена, когда люди пожирали друг друга. Этим низким и бесчеловечным побоищем мы абсолютно остались в стороне от великой освободительной борьбы России“.

Последней страницей глубокой книги творчества Туманяна являются его четверостишия. В них поэт подводит итоги своего многолетнего и богатого жизненного опыта и созидательного труда.

Поэт спокоен, безмятежен. Внизу,—говорится в стихотворении „Перевал“,—в глубокой мгле он покинул почет, богатство, зависть, злорадство, все то, что гнетет свободный дух. Он—жизнерадостный мудрец, печаль которого претворяется в радость и восторг, когда он обзревает мир в его целостности и вечности:

Горе глубже, безбрежной морей,
И полно оно сотней ключей.
Дышит гнев мой, любовь затая,
Светит звездами полночь моя.

Особенно остро поэт сознает свое единство со вселенной, с бытием. О невыразимое, единое, говорит он, обращаясь к существу, ты

объединяешь всех в одной жизни, ты невидимо, извечно пылаешь во всякой твари, в этом мире все свободны тобою, все в тебе, о бессмертное, бесконечное, все воспевают тебя твоей же песней.

Поэту хочется слиться с сущим, не сознавать себя, быть со всеми. Я претерпел тысячи превращений, говорит он, форма—преходящая игра. Я был, емь и буду вечно, я всегда с великой душой вселенной—и не все ли равно сейчас мне существовать или на тысячи лет, на тысячи веков раньше или позже?

Вся жизнь и творчество Туманяна—великая беседа, беседа с человеком, с природой, со звездами, с горами и долами, с лесным зверем и небесной птицей. Четверостишия—его последняя беседа со всем миром:

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там, на круче.
С тех дней, когда меж „нет“ и „да“ была темна граница,
Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

На свѣем веку поэт видел много горя, много человеческого страдания. Но оптимизм никогда не покидал его, оптимизм, который он получил в дар от родного народа. Вселенная—великое благо и человек властелин этого блага—вот то мироощущение, которым пронизано все его творчество, начиная от сказки „Пес и кот“, написанной в отроческие годы, и кончая самым глубоким, самым зрелым из его четверостиший, написанных в последние годы жизни поэта, когда неизлечимая болезнь гасила его солнечный дух. Туманян целен и народен с начала до конца.

Творчество другого поэта, Аветика Исаакяна—подобно творчеству Ованеса Туманяна—тоже уходит вглубь народного художественного сознания и мировоззрения, но имеет несколько иную судьбу.

Аветик Исаакян родился в 1875 г. в Ленинакане (бывший Александрополь). Учился он в Эчмиадзине, а затем за границей, где, в Германии и Швейцарии, долгие годы изучал философию, биологические науки, антропологию, всемирную литературу. Для интеллектуального облика Исаакяна весьма характерна его большая начитанность, пытливый, жадно доглощающий знание ум, умение разобраться во всех вопросах науки, философии и искусства.

Печататься Исаакян начал почти одновременно с Туманяном—в начале 90-ых годов. Первый его сборник стихов—„Песни и раны“—вышел в 1898 году.

Исаакян творит и ныне—полный энергии и сил. В конце 1940 г. советская общественность Армении с большим подъемом отпраздновала 65-летие со дня рождения своего поэта, которым она по праву гордится.

Исаакян—глубокий лирик. Ни один армянский поэт не воспевал с такой силой и проникновенностью любовь человека, его эмоцио-

нальный мир, как Исаакян. Основными мотивами звездной поэзии Саят-Новы являются страсть к возлюбленной и боль, причиненная ею. Средневековые поэты в стихах, одетые роскошью природы, воспевают блаженство любви. Исаакян воспевает любовь во всей ее разно-сторонности, во всем ее разнообразии, во всех ее изгибах и тонкостях.

В стихах, легких до прозрачности и гармоничных, навеянных народными мотивами и вдумчивой горной природой родного края, в миниатюрных балладах, журчащих, как горные ручейки, Исаакян, сам очарованный своей поэзией, рассказывает о безграничной силе любви, о том, как молодой, влюбленный в русалку рыбак бросается за нею в пучину озера, как царевич, пораженный красотой лесной девы, оставляет ради нее все—власть, богатство и славу, как дева, с жестокой, как камень, душой, от любви к молодому рыцарю пре-ображается и душа ее делается нежной, как лепесток розы.

Но любовь не только преображает душу человека, человек из-за любви не только жертвует всем, ради любви он не только идет на смерть. Любовью преодолевается сама смерть.

В прекрасной лирической поэме „Вечная любовь“ Исаакян рассказывает, как пышные хоромы Тадмор (Пальмира) давно уже пре-вратились в развалины и покрылись желтой вуалью пустыни, как давно уже превратился в скелет владелец хором Эль-Саман,—но он все продолжает костлявой рукой крепко обнимать свою возлюблен-ную, неслышным звуком шептать ей слова вечной любви. Эль-Саман любит даже в смертном сне.

Любовь Исаакяна отнюдь не замыкается в узкие субъективные рамки, не топчется на месте. Переступив порог любви к женщине, она разливается по всему миру, покоря одну его область за другой.

С несравненным лиризмом Исаакян разработал тему любви к матери:

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ни один армянский писатель так задушевно не рассказал о своей любви к матери, как Исаакян.

В балладе „Сердце матери“ Исаакян описывает, как сын уби-вает свою мать, как несет он сердце матери своей любовнице и как, споткнувшись, он слышит заботливый вопрос материнского сердца: не больно ли тебе, о сын мой?

У Исаакяна благородный облик матери отнюдь не замыкается в ее великодушие к сыну. От сына это великодушие и любовь переходит ко всему страждущему человечеству:

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит,
Сладко-сладко спокойно дремлет дитя,
И мать моя молча молитву творит.

„Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын“.

Характерно, что именно устами своей матери, молитвой Исаакян провозглашает великий принцип гуманизма. Тот же самый принцип, как мы видели, Туманян в „Капле меда“ провозгласил на основе описания развертывания событий, описания войны,— правда, в сказочном плане, но близко отражающем реальность. У обоих поэтов истоки одни—народ, но у одного творчество преимущественно лирического характера, у другого—эпического.

У Исаакяна любовь к матери и материнская любовь разрастаются не только в любовь ко всему человечеству, но и в любовь к своей родине.

Исаакян готов иметь тысячу и одну жизнь, чтобы тысячу посвятить родине, а последней воспеть час ее освобождения. Любовь Исаакяна к родине столь же непосредственна и искренна, сколь непосредственна и искренна его любовь к человеку и ко всему сущему. Поэту бесконечно близки родная природа, родные скалы и воды, родной язык и легенды. Для Исаакяна народ—вечная категория. В стихотворении „В Равешне“ Исаакян говорит, что века, как мгновение, прошли по седой вершине Арарата, тысячи молний ударились об его алмаз, тысячи поколений смотрели на его, светлый купол. Ныне—поэт обращается к самому себе—настал твой черед: посмотри и ты на его гордый лик—и пройди. Да, все это пройдет, но останется Арарат, армянский народ, который еще роскошней обставит свою вековую, уже осуществившуюся мечту. Такова вера Исаакяна.

Все свои излияния и эмоции, тончайшие оттенки их Исаакян передает образами, насыщенными природой. Природа всевластно присутствует во всем творчестве Исаакяна, она безгранично близка поэту, он ее чувствует с редкой глубиной. Но природа никогда не теряет своей самостоятельности в поэзии Исаакяна. Она гармонично растилается перед чувствующим человеком—величественная, незабываемая. В этом одна из существенных особенностей творчества Исаакяна.

Лирика Исаакяна своей любовью обнимает все—человека, родину, природу, мир. Она гуманистична с начала до конца. Со скорбью

и возмущением видит поэт, как последний кусок хлеба вырывают у бедняка, как в жизненной борьбе все точат нож друг против друга, как глубоко страдает его народ под пятой султана и царя. Социальные мотивы искони были близки Исаакяну, и в самом названии его первой книги „Песни и раны“ „раны“ означают именно социальные раны, раны народа. Все, что исходило от родного народа, было близко Исаакяну—и его воздыхания и его сказания.

Одной из особенностей творчества Исаакяна является его близость к Востоку. Никто так глубоко не постиг безбрежность пустыни и навеянные ею солнечные грезы, как Исаакян. Редко кому удалось с такою глубиною постичь своеобразную мудрость Востока. Исаакяну известны тайны эдема, он конкретно, как сегодняшний день, представляет себе предков армян, покоривших широкими своими лугами древний халдский народ.

Самое замечательное произведение Исаакяна, посвященное Востоку,—это, конечно, „Абул Ала Маари“. Поэзия пустыни и каравана, палящего солнца и бубенцов дана здесь с неповторимой силой. Безграничная любовь к природе, его обожествление находит в этой поэме свое законченное выражение:

Салам тебе, Солнце, шюкр без конца, материнское лоно,
бессмертная мать,

Только ты есть добро, милосердно лишь ты,
лишь тебе вся любовь! Свят, свят, свят, благодать!

.....
Тебя я люблю! Тебя я люблю! Жги, язви, опалаяй меня средь
пустынь,

Палящей любовью меня обласкай и золото косм мне
на душу кинь!

— этими словами славословит Исаакян солнце, во властелине природы он олицетворяет все свои мечтания, от солнца он ожидает спасения. Экстатическое, полное забвения шествие Абул Ала Маари к солнцу—это упование справедливой человеческой жизни, грезы о светлом будущем.

Но „Абул Ала Маари“ этим не исчерпывается. „Абул Ала Маари“ принадлежит к той половине творчества Исаакяна, которую Валерий Брюсов назвал „рефлексивной“. Недовольный современной ему буржуазной действительностью, критикуя ее, Исаакян, вместе с грязной водой, выплеснул из ванны также ребенка: не принимая буржуазной законности, он отрицает вообще всякую законность, не признавая буржуазного понимания родины, он отрицает вообще идею родины, одним словом, он отрицает все то, что сам лелеял долгие годы и что является основой его мировоззрения: родину, друга и т. д. В этом блестящем по форме произведении отразилось влияние на Исаакяна символизма и некоторых других, чуждых народно-творческому облику поэта умонастроений.

Освободителем Исаакяна из этого своеобразного плена был не кто иной, как тот же самый народ. Именно победное шествие русского рабочего класса, Октябрьская революция, торжество советских, подлинно-демократических принципов в государственной и культурной жизни были причиной того, что Исаакян вновь сосредоточил свое творчески-напряженное внимание на народном художественном сознании. И там, в глубинах этого вечно-клокочущего сознания поэт нашел новый образ, образ, вполне соответствующий новым его переживаниям. Это—образ огненного Мгера, которого Исаакян воплотил в последней своей поэме „Мгер из Сасуна“, Мгера страстотерпца, Мгера труженика и народолюбца, Мгера рыцаря, который уже вырвался из пещеры и во главе народных масс и вместе с ними:

Злой разрушили мир,
И строй трудовой утвердили в миру,
Строй люда простого, закона и прав...

Глубоко национальным и народно-героическим образом Мгера принцип народности окончательно восторжествовал в творчестве Исаакяна.

Творческое сознание Исаакяна, взволнованное беспокойным образом Мгера, не успокоилось, и ему мерещится, в его воображении постепенно претворяется в плоть и кровь другой образ—образ Ленина. Армянский народ продолжает слагать эпос и в наши дни: великих руководителей и вождей народов, Ленина и Сталина, он воспринимает как национальных героев. И не кто иной, как именно Исаакян посвятил Сталину—выражая чувства и мысли своего народа—следующие слова:

Ты поднял истории грозный, карающий меч
Над всеми неправдами мира, над скорбной землей.
Пламенным словом своим ты сумел зажечь
В сердцах народов священный огонь боевой.

Подобно Туманяну, Исаакян не только первоклассный поэт, но и первоклассный прозаик. У него не мало рассказов, новелл, стихотворений в прозе. Вот уж тридцать слишком лет как он работает над одним большим прозаическим произведением—„Уста Каро“ (Мастер Каро). Из этого произведения нам пока что известны только отдельные главы и отрывки, но и то, что известно, дает нам возможность обрисовать облик самого Уста Каро.

Герой Исаакяна—подлинный сын народа, прекрасный мастер, художник своего дела. Каро—остроумный собеседник, у него обширная память, он овладел всей мудростью народа, замечательный знаток народных сказок, пословиц и загадок. Беседа для него—основное орудие познания. Он философ и созерцатель, чуткий, несколько беспечный, но внимательный к людям человек. Он любит роскошь и

расточителен, добрыми глазами смотрит на весь мир, как бы обнимая его, он весел и жизнерадостен с легким налетом грусти, бесконечно любит человека и дружбу, поэт в душе и в жизни. Уста Каро—образ, в котором торжествуют начала широкого, безбрежного восприятия мира, в основе которого лежит глубочайшее убеждение о сущем, как о благе.

В своем творчестве Туманян и Исаакян воплотили все то, что было глубокого, благородного, мудрого в веками накопленном духовном богатстве армянского народа. Не забывая условность всякой терминологии, скажем, что один из них, именно Туманян, творил в плане эпическом, развертывая события, хоть и весь мир он рассматривал как страницу своей души, другой—Исаакян—творил в плане лирическом, развертывая сознание, хоть и это сознание полностью насыщено бытием.

Туманян и Исаакян одинаково правильно, но с разных сторон раскрыли духовную сущность армянского народа, взлеты его мысли и фантазии, умение его проникнуть в суть вещей. Народность и реализм осуществляются в их произведениях, как закон, как организующее, создающее начало. Известные слова Александра Блока, что «поэт Исаакян—первоклассный, может быть, такого светлого и непосредственного таланта во всей Европе нет»—следует толковать именно в этом смысле, и они—по своей сути—применимы не только к Исаакяну, но и к Туманяну.

В своем замечательном очерке об армянской поэзии Валерий Брюсов, как известно, подчеркнул ее «единство на протяжении веков». Единство армянской поэзии—и вообще армянской литературы и искусства—проявляется в том, что, не взирая на тысячи влияний своих многочисленных, друг друга сменяющих соседей, она, сохранив полную свою самостоятельность, всегда, при всех обстоятельствах выражала одну основную мысль и стремление—неукротимое, ни перед чем неостанавливающееся стремление к свободе.

Ованес Туманян говорит, что на него наибольшее воздействие оказали Пушкин и Лермонтов. Это, конечно, не означает, что поэзия Туманяна тем самым перестает уходить своими корнями в самую глубь психологии армянского народа. Это означает, что, восприняв то великое и родное, что он нашел в Пушкине и Лермонтове, Туманян с неповторимой силой воплотил в своих образах духовную сущность армянского народа. Приблизительно то же случилось с поэзией Теряна.

Ваан Терян родился в 1885 г. Учился в Лазаревском институте, а затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Переехав из Москвы в Петроград, Терян слушал лекции на восточном факультете Петроградского университета, изучал древнеармянский, грузинский, персидский и арабский языки, был учеником акад. Марра. В эпоху первой революции Терян увлекался марксизмом, а в 1917—1918 годах мы его видим уже в рядах РКП(б).

Терян заведывал армянским отделом в Комиссариате по Национальностям и работал под непосредственным руководством товарища Сталина. Умер в 1920 г. в Оренбурге.

Первая книга стихов Теряна „Грезы сумерек“ вышла в 1908 г., вторая—в 1912 г. Этими двумя книгами характеризуется символистический период творчества Теряна.

Непривлекательной и холодной представляется поэту действительность. Он уходит в себя, замыкается в своем внутреннем мире. Он весь живет своими сновидениями, которые уводят его в какой-то сказочный мир с неопределенными, расплывчатыми очертаниями. Этот мир убаюкивает его, наводит на него дрему, явь ступшевыается. Из внешнего мира поэт воспринимает лишь то, что углубляет его. грезы—синюю даль, грустные сумерки, золотую осень. Поэт ненавидит день, потому что он криклив, слишком ясен и осязателен. Поэт ненавидит также ночь, потому что мягкость вечера она заменяет определенностью тьмы. Поэт лелеет мечту о сказочной деде, которая успокоит его измученную душу. Он весь во власти своих мечтаний.

Поэзия Туманяна и Исаакяна питалась из гигантского резервуара действительности, народного творчества. В произведениях обоих поэтов—все переливы, все краски, все богатства родного края. У обоих поэтов образы, глубокие сравнения, поэтические открытия расточительно следуют друг за другом—и они так обогащают их поэтический рисунок, что специальная, заостренная отделка слова и стиха отходит на второй план.

Несколько иной характер носит творчество Теряна. В лирике Теряна природа выступает не как самостоятельная единица, а в субъективизированном виде, как иллюстрация его настроений. А некоторая монотонность его поэзии компенсируется сугубым вниманием к стиху, его тонкой отделкой.

И на самом деле, произведения Теряна отличаются поразительной певучестью и музыкальностью. В истории армянского стиха поэзия Теряна является одной из блестящих страниц. Но она—страница также в истории армянского литературного языка. Стилистический идеал Теряна, который виртуозно осуществлен им, это—чистота языка, филологическая точность в употреблении слова, глубокое уважение к нему.

Во всем этом, несомненно, сказывается благотворное влияние символизма—преимущественно русского и французского. Что же касается самого содержания поэзии Теряна, то оно носит вполне независимый характер. Может быть, его мотивы и не новы, но они обрабатываются совершенно самостоятельно.

Поэзия Теряна, в первый период ее развития, несомненно, отражает те минорные настроения, которые были популярны среди интеллигенции после неудач первой русской революции. Но не говоря о том, что даже в это время Терян иной раз где-то вдали видел восход солнца,—подъем революционной волны в 10-ых годах опре-

деленно сказался на его поэзии, и—ни на иоту не отступив от своих формальных достижений — Терян начал уверенными шагами приближаться к реализму, к традициям своих старших братьев—Туманяна и Исаакяна.

Из глубокой мглы—виденье сквозит:
Страна Наири в печали своей—

отныне страна Наири, т. е. Армения, и его печаль—основные мотивы творчества Теряна. Все то богатство слов и тончайших переживаний, которые были накоплены им в период духовного своего одиночества, вся та нежность, с которой он относился к своему единственному другу, к своей мечте, всю свою грусть, печаль, умиление — все это. Терян ныне переносит на свою родину, во время империалистической войны еще раз ставшей жертвой истории:

Как не любить тебя, родная, бедная?
В скорби покорной страна опаленная,
Снова мечам остроблещущим преданная,
Ты—богородица, семь раз пронзенная!

Поэт безгранично озабочен судьбой своей родины. Назвав Армению ее древним халдским именем Наири, он романтически сплетает реальное существование со сказкой, настоящее с давно прошедшим, как бы превратившимся в сновидение, чтобы тем нежнее ее лелеять, тем глубже ее любить, тем с большей страстью и большим жаром воспевать ее, как некогда он воспевал сказочную свою деву. В одном из своих замечательных стихотворений Терян, используя армянский фольклор, рассказывает, как он дошел до Индии и Китая, увидел огненную дверь рая, увидел черных, как смола, русалок с лучистыми глазами, добрался до истоков солнца—но все это для поэта дым и мираж: нет ничего для него слаще имени родины, нет более пленительной грезы, чем родина.

Терян воспевает Армению жертвенную, поникшую, может быть, и величавую, но скромную. Однакож, в цикле стихотворений „Страна Наири“ Армения не только страна скорби: в сознании поэта она постепенно превращается в страну радости—

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце, ал,
И в сердце—роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

В „Газелле ликования“, посвященной Степану Шаумяну, эта радость уже претворяется в мужественный энтузиазм, восторг:

Сердце, чья кровь веет огнем,—горящим храни!
Радость, любовь, щит золотой—горящим храни!

Мира поправ злобную тьму—горящим храни!
Стяг, что кровав раной живой,—горящим храни!

В этой газелле Терян использует ашугов. Нам известно, как он использовал фольклор. Народное, реальное чем дальше, тем больше захватывает его. Его чистая любовь к родине, нежное ее воспевание—самое тонкое и в словесном отношении безукоризненное, что дала нам армянская поэзия. Дни великого народного гнева, дни революции отразились в творчестве Теряна лишь несколькими яркими штрихами—смерть подоспела к нему раньше, чем он успел переступить порог третьего периода своего творчества, периода революционно-реалистического.

Если Туманян и Исаакян, основываясь на фольклоре и прекрасном знании народной жизни, в своих художественных образах раскрыли жизнь и духовный облик армянского народа, если Терян, воспевая родину, своим филигранным словом выявил богатство, эластичность и музыкальность армянского языка, то Акоп Акопян был тем поэтом, который обновил и на новой почве развил традиции политической поэзии Налбандяна.

В том самом году, когда в далеком Камышине умирал от туберкулеза Микаел Налбандян, в этом, именно в 1866 году, на родине Низами Ганджеви, в Ганже, ныне Кировабад, родился Акоп Акопян.

Акоп Акопян учился в ганжинской гимназии, жил и работал в Баку и Тбилиси. Революция застала его бухгалтером в одном из банков Тбилиси, где он, по установлении советской власти, стал комиссаром. Писать Акоп Акопян начал с 90-ых годов. В дни первой революции он вступил в ряды большевистской партии и в течение более чем тридцати лет как в практической, так и поэтической своей деятельности высоко держал партийное знамя. Закавказская жандармерия усиленно преследовала революционного поэта—и не раз ему приходилось сидеть в тюрьмах Баку и Тбилиси. Акоп Акопян умер в 1937 году.

В первом номере армянской большевистской газеты „Кайц“ (Искра) от 1-го апреля 1906 г. Степан Шаумян писал: „Наш орган должен быть устами армянского рабочего класса—этого одного из маленьких неотделимых отрядов всемирной пролетарской армии. Он должен быть защитником и выразителем великого международного идеала пролетариата. Он должен быть товарищем и учителем порабощенных буржуазно-националистической идеологией и от этого рабства ныне освобождающихся армянских рабочих“.

Таковыми устами, таким другом и учителем армянских рабочих и оказался в области поэтического слова Акоп Акопян.

В 1902 году Акоп Акопян пишет свое стихотворение „Призыв толпы“, где он, отказываясь от субъективной лирики, говорит, что „песня, лелеющая и воспевающая скорбь, стала надоедливой“, и призывает поэта гневно заклеить насилие власть имущего.

Накануне революции, в 1904 году он пишет стихотворение „Кочегар“, где воспеваает авангард революции, рабочий класс и его тяжелый труд.

В дни революции, 17-го октября 1905 года, как ответ на манифест царя Акоп Акопян пишет свое известное стихотворение „Еще удар!“, где он призывает рабочий класс неустанно бороться против царского деспотизма, сокрушить самодержавную власть:

Царь о пощаде молит нас?
 Не стать бы жертвой нам сейчас.
 Построимся плечо в плечо,
 Удар еще, удар еще,

 Еще удар, чтоб трон царя
 Стал прахом и взошла заря.

Это стихотворение, отдельно напечатанное в тысячах экземплярах, было распространено в рабочей среде и нашло там самый живой отклик. Акоп Акопян был поэтом и одновременно агитатором. Он был первым переводчиком революционных песен на армянский язык и одним из первых их исполнителей.

Одно из наилучших произведений Акопа Акопяна—стихотворение „Революция“, написанное в годы революции. Этим стихотворением Акоп Акопян показал, как можно в поэзии политический мотив сочетать с образностью, энтузиазмом и мощным словом. За громом на море,—говорит поэт,—следует тихий шопот волн, за грозой—ясное солнышко, за воплем роженицы—радостная улыбка, а за бурей революции—свобода:

Товарищ! Запомни! Победа—в движенье.
 Свобода—дитя. Революция—мать.
 Товарищ, клянись мне в часы искушенья
 Грудью,
 Грудью ее защищать!

Настали эти „часы искушенья“, годы реакции. Интеллигенция густой массой покидала ряды бойцов революции. Начался разгул национализма, индивидуализма, мистики. Акоп Акопян продолжал неуклонно стоять на своем посту. В замечательном по своему напряжению стихотворении „Страж“ выявляется вся несокрушимость его воли, стальная твердость его решения—до конца, до последнего мига остаться на своем посту.

Гражданская лирика Акопа Акопяна отличается не только своей силой, живостью и ясностью, но также эмоциональной напряженностью. Наилучшим примером может послужить его прекрасное стихотворение „Умерли, но не пропали“:

Какие герои—товарищи пали,
 Умерли, но не пропали!..

Гневный огонь полыхал в глазах,
Молния билась в устах...

Дореволюционным своим творчеством Акоп Акопян внес новую тематику в армянскую литературу: в его стихотворениях воспевается борьба и светлое будущее, в них отражается миропонимание рабочего класса. После революции, в своих поэмах „Ширканал“, „Волховстрой“ и т. д. Акоп Акопян воспевает созидательный социалистический труд.

Но Акоп Акопян не только поэт, для творчества которого характерны политический пафос и партийность. Он является также практическим работником. Он принял самое деятельное участие в дореволюционной партийной и рабочей печати, не говоря уж о советской печати, в органах которой он поместил десятки статей на самые актуальные, преимущественно литературные темы.

Одной из светлых страниц литературной деятельности Акопа Акопяна является издание им в 1914 г. художественных сборников „Красные гвоздики“ (два номера) и „Альбом рабочего“, где были помещены произведения почти всех армянских пролетарских писателей того времени—Арази, Варданяна и др.

Наконец, Акоп Акопян был одним из первых, призывавших рабочий класс создать из собственной среды новый, свежий кадр писателей, журналистов, корреспондентов. В 1917 г. в первом номере газеты „Пайкар“ (Борьба), основываясь на практике „Правды“ и „Луча“, — Акоп Акопян советовал рабочим... „разукрасить столбцы „Пайкара“ статьями, тема которых взята из окружающей их действительности, письмами, даже беллетристическими вещами и стихами“.

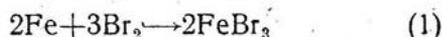
Таков Акоп Акопян. Он поэт, но одновременно—агитатор и пропагандист, журналист и редактор. Он законченный тип писателя-коммуниста. Для его жизни и творчества самыми характерными чертами остаются последовательность, принципиальность, монолитность, пламенная вера в созидательную силу коммунизма. Акоп Акопян крупное, оригинальное и, пожалуй, единственное в своем роде явление не только в армянской литературе но и в литературе всех братских народов СССР.

Творчеством Акопа Акопяна завершается досоветская армянская поэзия и начинается советский период ее развития.

М. Т. Дангян

Реакции брома и железа со спиртами

В одной из наших предыдущих статей¹ была описана реакция брома и железа с этиловым спиртом. В настоящей работе мы даем описание реакций брома и железа с другими спиртами: метиловым, бутиловым, изоамиловым и октиловым. Подробное изучение реакций показало, что бром и железо, реагируя со спиртами, образуют бромистые алкилы со сравнительно хорошими выходами в тех случаях, когда они вносятся в реакцию по уравнению

Если же бром и железо вносятся в реакцию по уравнению

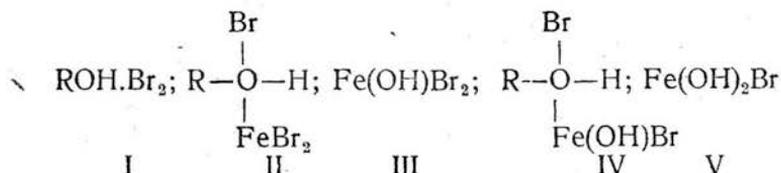

то выходы бромистого алкила бывают очень малыми. Бромное железо, аналогично хлорному железу², реагирует со спиртами легче всего своим одним атомом брома. Подобное же явление наблюдалось и при реакции иода и железа со спиртами³. Из литературы известно, что бром легко может реагировать с первичными спиртами: так, например, при действии брома на пропиловый спирт образуется дибромпропионовый альдегид⁴.

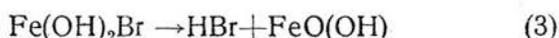
Следовательно, прибавление брома к смеси спирта и железа должно производиться так, чтобы бром имел возможность реагировать полностью с железом. Осуществление этого не так трудно, потому что при совместном действии трех компонентов реакционной смеси бром легче реагирует с железом, чем со спиртом. По этой причине при всех реакциях бром прибавлялся к смеси спирта и железа по каплям и содержимое колбы интенсивно перемешивалось. В осадках, остающихся в реакционных колбах после перегонки бромистого алкила, были обнаружены следующие вещества: бромное железо, бромистое железо, окись железа и трудно растворимые части (вероятно, основные соли железа разного состава).

В труднорастворимых частях было обнаружено также и железо. Присоединения брома к железу в присутствии спирта, при обыкновенной температуре, нужно объяснить следующим образом: сначала бром со спиртом образует молекулярное соединение (I). Образование последнего происходит благодаря значительному дипольному моменту спирта. Соединение I, легко реагируя с железом, отдает ему свои атомы

брома. В зависимости от количества брома может образоваться бромистое или бромное железо; последнее в момент образования соединяется со спиртом и дает оксониевое соединене⁵ (II), которое под действием температуры разлагается с образованием бромистого алкила и основной соли железа (III). В зависимости от количества спирта, условий проведения реакции и молекулярного веса спирта основная соль может прореагировать со второй молекулой спирта и образовать снова оксониевое соединение (IV), которое, разлагаясь, в свою очередь образует бромистый алкил и основную соль (V).

Основная соль железа может разлагаться по уравнению

или—при благоприятных условиях—соединиться с третьей молекулой спирта и снова образовать оксониевое соединение.

В проведении данной работы принимали участие сотрудницы С. Тер-Даниелян и О. Абрамян.

Экспериментальная часть

1. Реакции брома и железа с бутиловым спиртом

Смесь 4,97 г порошка металлического железа, восстановленного водородом, и 24,3 мл (19,7 г) нормального первичного бутилового спирта была помещена в круглодонную колбу. Затем из капельной воронки через обратный холодильник был прибавлен по каплям бром в количестве 21,25 г. Прибавление брома сопровождалось саморазогреванием реакционной смеси, почему производилось частое перемешивание и охлаждение. Содержимое колбы, снабженной обратным холодильником, нагревалось на электрической плите около 1 часа. После охлаждения смесь в колбе частично затвердела. При перегонке (на голом огне) было получено 23 мл светложелтого цвета жидкости, которая была собрана под водой, трижды промыта серной кислотой (серная кислота каждый раз бралась по 5 мл), водой, разбавленным раствором гидроксида натрия, водой, высушена хлористым кальцием и перегнана. Было получено 16,88 г бромистого бутила (выход—46,4% теории), который кипел при 96° (680 мм) и с азотнокислым серебром образовал осадок бромистого серебра.

Анализ (по Степанову)

0,5690 г вещества, 0,7838 г AgBr.

Найдено %: Br 59,03.

C₄H₉Br. Вычислено %: Br 58,33.

2. Реакции брома и железа с другими спиртами

Подобно первой реакции, бром и железо реагируют с другими спиртами ряда метанола: амиловым, октиловым и метиловым. Обработка и идентификация бромистого амила и октила производились так же, как и бромистого бутила. Бромистый метил промывался раствором гидроокиси натрия и собирался в газгольдере над водным раствором поваренной соли. Нижеприведенная таблица (№ 1) дает общее представление о количествах входящих в реакцию компонентов, времени нагревания с обратным холодильником, выходах и количествах полученных бромистых алкилов.

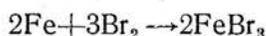
Таблица № 1

С п и р т ы		Железо трех- валентное (в г)	бром (в г)	Время на- гревания с обратным холодильн.	Бром. алкил	
Наимено- вание	колич. (в г)				Колич. (в г)	выход в %
Метиловый	32,4	7,44	33	—	25,43	64,65
Амиловый	28	4,86	20,8	1,5 ч.	21,7	55,22
Октиловый	42,4	6,02	21,55	1 ч.	26,4	50,8

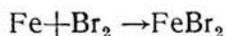
При всех реакциях добавление брома к смеси железа и спирта сопровождалось саморазогреванием реакционной смеси, причем добавление брома к смеси железа и метилового спирта вызывало большее выделение тепла, чем добавление брома к смеси железа и октилового спирта. Во время нагревания смеси с обратным холодильником выделение бромистого водорода почти не наблюдалось. При реакции с октиловым спиртом содержимое колбы от нагревания с обратным холодильником частично разлагалось с образованием смолоподобного вещества, причем наблюдалось незначительное выделение бромистого водорода. Полученный после перегонки бромистый октил был промыт серной кислотой (5 раз). После перегонки бромистых алкилов в реакционных колбах оставались осадки, имеющие почти одинаковый состав. В них было обнаружено бромное железо, основная соль бромного железа, окись железа и незначительное количество не вступившего в реакцию порошка железа.

3. Реакции брома и двухвалентного железа со спиртами

В вышеописанных реакциях железо и бром были взяты в реак-
цию по уравнению

Эксперименты показали, что бром и железо могут реагировать со спиртами и в тех случаях, когда они вносятся в реакцию по уравнению

Было установлено, что при одинаковых условиях проведения

реакции наибольший выход бромистого алкила получается в том случае, когда бром и железо входят в реакцию по уравнению (1).

Таблица № 2 дает общее представление о реакциях, в которых бром и железо были взяты по уравнению (1).

Таблица № 2

С п и р т ы		Железо (в г)	Бром (в г)	Время нагре- вания с обрат- ным холодильн.	Бромистый алкил.	
Наимено- вание	Колич. (в мл)				Колич. (в г)	выход в %
Метиловый	21,2	7,38	21,15	—	8,48	33,77
Этиловый	40,8	9,59	27,5	—	4,99	13,6
Бутиловый	24,1	10,92	20,85	1 час	11,04	30,9
Амиловый	28,2	8,6	20,8	2 "	10,2	26,0
Октиловый	30,4	8,1	15,5	1 "	8,6	23,2

В ы в о д ы

1. При действии на спирты ряда метанола бромом и железом образуются бромистые алкилы. Были получены бромистый метил, этил-нормальный бутил, изоамил и нормальный октил.

2. Предполагается, что в реакционной колбе бром и железо, реагируя друг с другом, сначала образуют бромид железа, который затем вступает в реакцию со спиртами. В одном случае бром и железо брались в количественных соотношениях, ведущих к образованию бромного железа, а в другом случае—к образованию бромистого же-леза.

3. Наибольший выход бромистых алкилов был получен при тех опытах, когда бром и железо брались в соотношениях: 1 *грам-атом* железа и 1,5 *грамм-молекулы* брома.

4. Бром и железо в присутствии метилового спирта реагируют друг с другом более энергично, чем в случае других спиртов; с увеличением молекулярного веса спирта уменьшается его действие на процесс реагирования брома и железа.

5. Реакции протекали через промежуточное образование оксоние-вого соединения.

6. В данных реакциях бром реагирует с железом и спиртом совершенно аналогично иоду с теми же веществами.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. М. Т. Дангян—ЖОХ, XI, 2, 106 (1941).
2. М. Т. Дангян—ЖОХ, VIII, 17, 1780 (1938), ЖОХ, IX, 20, 1907 (1939).
3. М. Т. Дангян—Известия АрмФАН'а АН СССР. 3—4, 1941.
4. Ненгу, С.—1906, II, 1109.
5. М. Т. Дангян—I с., стр. 106.

Հ. Ս. Բաղալյան

ԱՐԵՊԱԿԻ ԼՐԻՎ ԽԱՎԱՐՈՒՄԸ 1941 ԹՎԱԿԱՆԻ ՍԵՊՏԵՄԲԵՐԻ 21-ԻՆ

Խավարումները երկնային երևույթների մեջ առանձնահատուկ հետաքրքրություն են ներկայացնում, առավել ևս Արեգակի լրիվ խավարումը, երբ Երկրի որոշ մասերում շատ կարճ ժամանակ ցերեկը փոխարինվում է գիշերով:

Խավարումները ոչ թե պատահական, այլ որոշակի պարբերությամբ ու օրինաչափությամբ տեղի ունեցող բնական երևույթներ են: Դեռ շատ հին ժամանակներից սկսած մարդիկ գաղափար են ունեցել Արեգակի և Լուսնի խավարումների մասին: Մեր թվականությունից մոտ 2000 տարի առաջ բաբելացիներին և քաղղեացիներին հայտնի է եղել Արեգակի և Լուսնի խավարումներ առաջանալու պարբերությունը՝ 18 տարի 11¹/₃ օր, որը կոչվում է սարոս:

Արեգակի խավարում տեղի է ունենում այն ժամանակ, երբ Արեգակը, Լուսինը և Երկիրն էկլիպտիկայի հարթություն մեջ գտնվում են մի ուղիղ գծի վրա, այսպիսի դասավորությամբ, որ Լուսինը գտնվում է Երկրի և Արեգակի միջև և, բացի այդ, լինում է նորալուսին. այլ կերպ ասած՝ Արեգակի խավարումը տեղի է ունենում այն ժամանակ, երբ Երկրից դիտողի համար Լուսնի տեսանելի սկավառակը ծածկում է Արեգակի տեսանելի սկավառակը: Ըստ որում խավարման ժամանակ Արեգակի պայծառ սկավառակի փոխարեն տեսնում ենք նրան ծածկող՝ Լուսնի խավար սկավառակը:

Եթե Լուսնի և Երկրի օրբիտներն իրար հետ համընկնեին, այն ժամանակ, պմեն նորալուսնի ժամանակ, այսինքն ամիսը մեկ անգամ, Արեգակի խավարում կլիներ, բայց, ինչպես դիտենք, չի լինում, որովհետև նրանց օրբիտները չեն համընկնում, այլ կազմում են 5° 9' անկյուն:

Տարվա մեջ կարող է տեղի ունենալ Արեգակի մաքսիմում հինգ խավարում, իսկ մինիմում՝ երկու, բայց սովորաբար տարվա մեջ ավելի հաճախ տեղի է ունենում երեք խավարում, իսկ 18 տարվա 11¹/₃ օրվա պարբերությամբ ընթացքում՝ Արեգակի մոտ 43 խավարում, որից 12-ը լրիվ, մնացածը մասնակի և օղակաձև:

Արեգակի առաջիկա լրիվ խավարումը տեղի է ունենալու 1941 թ. սեպտեմբերի 21-ին: 1941 թվականի ընթացքում տեղի է ունեցել և պետք է ունենա ընդամենը չորս խավարում, որից երկուսն Արեգակի — օղակաձև և լրիվ, իսկ երկուսը Լուսնի — մասնակի խավարում: Լուսնի խավարումներից մեկը տեղի է ունեցել մարտի 13-ին, տեսանելի է եղել Սովետական Միության Ասիական մասում և տեղի է մոտ 2 ժամ. մյուսը տեղի է ունեցել սեպտեմբերի 5-ին, տեսանելի է եղել Սովետական Միության տերիտորիայում: Այդ խավարումը տեղի է համեմատաբար շատ կարճ՝ 56

րուպե, խավարման ֆազը նույնպես շատ փոքր է եղել, Երկրի սովերով ծածկվել է Լուսնի տեսանելի սկավառակի 0,06 մասը:

Արեգակի օղակաձև խավարումը տեղի է ունեցել այս տարի մարտի 27-ին: Այդ խավարումը տեսանելի է եղել Սաղաղ օվկիանոսի հարավային մասում և Հարավային Ամերիկայում:

Նկ. 1. 1941 թ. սեպտեմբերի 21-ին տեղի ունեցող Արեգակի խավարման շերտի քարտեզը

Այս բոլոր խավարումներից ամենանշանավորը և ուսումնասիրության համար խոշոր դիտական արժեք ներկայացնողը հանդիսանալու է առաջիկա սեպտեմբերի 21-ին տեղի ունենալիք Արեգակի լրիվ խավարումը, որի ժամանակ պետք է դիտվեն և ուսումնասիրվեն մի շարք կարևոր դիտական խոշոր նշանակութուն ունեցող պրոբլեմներ, այդ նպատակով կազմված է հատուկ պլան, թե ամեն մի էքսպեդիցիան ինչ պետք է դիտի և ուսումնասիրի:

Այդ խավարումը դիտելու համար նշանակալից աշխատանք է տարվել Սովետական Միության մեջ, որովհետև լրիվ խավարման շերտը հիմնականում անցնելու է Սովետական Միության տերիտորիայով և, բացի այդ, համաձայն օգերևութաբանական ավյալների, ավելի նպաստավոր պայմաններ են լինելու Սովետական Միությունից դիտելու համար, որտեղից անցնելու է լրիվ խավարման կենտրոնական գիծը: Մի քանի տարի է, որ Սովետական Միության գրեթե բոլոր աստղադիտարանները մեծ հետաքրքրութամբ նախապատրաստել են հատուկ սարքավորումով ապարատներ՝ այդ խավարումը դիտելու համար:

Զնայած որ ներկայումս մեր երկրի գիտական ուժերը, Հայրենական պատերազմի կապակցությամբ

հիմնականում զբաղված են հայրենիքի պաշտպանության աշխատանքներով, բայց և այնպես Գիտությունների Ակադեմիայի նախագահությամբ նպատակահարմար է գտել մոտ 60 աստղաբաշխներից, գեոֆիզիկներից և ֆիզիկոսներից կազմակերպել մի քանի էքսպեդիցիաներ՝ Արեգակի առաջիկա խավարումը դիտելու համար:

Լրիվ խավարման շերտն սկսվելու է Հյուսիսային Կովկասից և անց-

նելու է Աստրախանի մոտով, Կասպից ծովի հյուսիսային մասով, Ղազախստանով, Արալյան ծովով, Կիրգիզիայի ՍՍՌ-ի հյուսիս-արևելյան մասով, Չինաստանով և Շանհայի ու Կանտոնի միջև անցնելու է Խաղաղ օվկիանոսը և այնտեղ էլ կվերջանա:

1941 թ. սեպտեմբերի 21-ին լրիվ խավարման շերտի լայնութունն աստիճանաբար մեծանալու է: Լրիվ խավարման շերտի լայնութունը Սովետական Միության արևմտյան մասում հասնելու է 90 կիլոմետրի, իսկ արևելյան սահմանում՝ Չինաստանի մոտ՝ 112 կիլոմետրի:

Մասնակի խավարումը տեսանելի է լինելու Սովետական Միության դրեթե բոլոր վայրերից: Մասնակի խավարման ամենամեծ ֆազը երևալու է Միջին Ասիայից: Այդ խավարման տեսանելի մասնակի ֆազի արևմտյան սահմանն անցնելու է հարավից դեպի հյուսիս՝ Բաթումիով, Ռոստովով, Վորոնեժով, Մոսկվայով, Պետրոզավոդսկով մինչև Մուրմանսկ: Այդ խավարումը Սովետական Միության Եվրոպական մասից տեսանելի է լինելու արևածագին, այսինքն՝ երևալու է միայն մասնակի խավարման վերջը: Օրինակ՝ Մոսկվայում, Լենինգրադում Արեգակը ծագելու է մոտավորապես խավարման մաքսիմում ֆազը վերջանալու մոմենտում և տեսանելի է լինելու միայն մասնակի խավարման վերջը:

Երևանում խավարման սկիզբը չի երևալու, որովհետև խավարումն սկսվելու է Նախքան Արեգակի ծագելը: Այդ օրը Երևանի համար Արեգակը տեղական ժամանակով ծագելու է ժամը 6-ն անց 49 րոպեին, իսկ խավարման միջին մոմենտը լինելու է ժամը 6-ն անց 54 րոպեին: Նշանակում է՝ Երևանում Արեգակը ծագելու է մոտավորապես խավարման մաքսիմում ֆազի ժամանակ, այսինքն՝ արևածագի ժամանակ խավարած է լինելու Արեգակի սկավառակի մոտ 0,85 մասը:

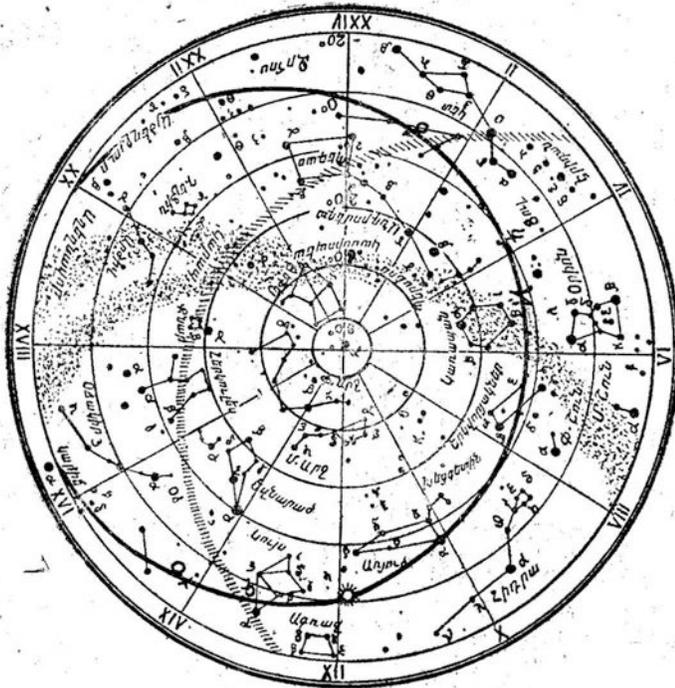
Լրիվ խավարման շերտի կենտրոնական գծի վրա նշանակված դիտման վայրերից, որտեղ պետք է կենտրոնանան էքսպեդիցիաները, հարմարութունների տեսակետից նպաստավոր են Կրզլ-Օրդան և Ալմա-Աթայի մոտակա վայրերը:

Կրզլ-Օրդայում խավարման միջին մոմենտը Գրինիչի ժամանակով սկսվելու է ժամը 3-ն անց 6 րոպեին, իսկ տեղական ժամանակով՝ ժամը 7 անց 28 րոպեին և լրիվ խավարումը տևելու է 1 րոպե 44 վայրկյան: Ալմա-Աթայում խավարման միջին մոմենտը Գրինիչի ժամանակով սկսվելու է ժամը 3-ն անց 13 րոպեին, իսկ տեղական ժամանակով ժամը 8-ն անց 21 րոպեին, որտեղ լրիվ խավարումը տևելու է 2 րոպե 2 վայրկյան: Դեկրետիվ ժամանակին անցնելու համար պետք է ավելացնել ևս մեկ ժամ:

Այդ խավարման լրիվ շերտից, բացի արևապսակից, երևալու են նաև մուրրակներ և պայծառ աստղեր: Արեգակի շրջակայքում երևացող մուրրակները, աստղերը և համաստեղութունները հեշտությամբ դտնելու և ճանաչելու համար կարելի է օգտվել աստղային քարտեզից (նկ. 2), որը ներկայացնում է աստղային երկնքի պատկերը 1941 թվականի սեպտեմբերի 21-ի Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ Ալմա-Աթայից և նրա մոտակայքից դիտելու համար:

Նախքան լրիվ ֆազն սկսվելը, երբ Արեգակի սկավառակից շատ փոքր մաս է մնում չխավարած, հնարավոր է տեսնել մուրրակներ և շատ պայծառ

աստղեր, իսկ լրիվ խավարման մոմենտում երևում են մինչև երրորդ կարգի պայծառութուն ունեցող աստղեր: Քարեզում Արեգակը նկարված է որպես փոքր շրջան, որից ելնում են ճառագայթներ: Դա ցույց է տալիս խավարման ժամանակ Արեգակի դիրքն աստղերի նկատմամբ: Արեգակից ոչ հեռու, դեպի արևելք, երևալու է Եգնարածի համաստեղութան պայծառ աստղը — Արկտուրը, դեպի հյուսիս-արևմուտք՝ Կապելան—Կռավարի համաստեղութան գլխավոր աստղը, դեպի հյուսիս-արևելք՝ Վեդան—Քնարի համաստեղութան ամենապայծառ աստղը և այլն:

Նկ. 2. Աստղային երկնքի քարտեզը 1941 թ. սեպտեմբերի 21-ի խավարման ժամանակ

Ցանկալի է, որ հետաքրքրվողները նախապես ծանոթանան աստղային քարտեզին, որպեսզի լրիվ խավարման ժամանակ հեշտությամբ կարողանան որոշել թե երևացող աստղերը որ համաստեղութան են պատկանում և, բացի այդ, մինչև որ երրորդ կարգի պայծառութուն ունեցող աստղերը կարելի է տեսնել Արեգակի մոտ շրջակայքում և Արեգակից բավական հեռու մասերում:

*
**

Այժմ տեսնենք, թե ինչ նշանակություն ունի Արեգակի լրիվ խավարումը դիտելը և ուսումնասիրելը:

Արեգակն ուսումնասիրելու նշանակությունն ավելի պարզ պատկերացնելու համար նախ և առաջ անհրաժեշտ է իմանալ, թե ինչ է իրենից ներկայացնում ինքը՝ Արեգակը:

Արեգակը հանդիսանում է մի հսկայական շրկացած, գազային գունդ՝ որի մեծության մասին գաղափար կազմելու համար բավական է հիշատակել, որ նրա ծավալը Երկրի ծավալից մեծ է 1.300.000 անգամ, իսկ մասսան՝ 333.000 անգամ: Արեգակի արտաքին շերտերը շատ նոսր են, իսկ կենտրոնում անհամեմատ խիտ. նրա կենտրոնում խտությունը հավասար է մոտ 28 ջրի խտության, իսկ միջին խտությունը հավասար է 1,4 ջրի խտության: Արեգակի կենտրոնում ջերմաստիճանը ենթադրվում է մոտ 40.000.000 աստիճան, իսկ մակերևույթի վրա՝ 6.000 աստիճան:

Արեգակի ուսումնասիրությունը հանդիսացել է և հանդիսանում է ժամանակակից աստրոֆիզիկայի ամենաառաջնակարգ պրոբլեմներից մեկը, որովհետև, ինչպես հայտնի է, Արեգակը ջերմության և լույսի հսկայական աղբյուր է ներկայացնում, որից կախած է մեր Երկրի վրա գոյություն ունեցող կյանքը, և, բացի այդ, Արեգակը, որպես աստղ, ավելի հեշտ է ուսումնասիրել, քան մյուս աստղերը, որովհետև Արեգակը անհամեմատ շատ մոտ է մեզ, ըստ որում նրա հետազոտությունը հնարավորություն է տալիս գաղափար կազմելու աստղերի ֆիզիկական վիճակի ու կազմության մասին: Ահա թե ինչու գիտական խոշոր հետաքրքրություն է ներկայացնում Արեգակի ուսումնասիրությունը:

Արեգակի էներգիայի մեծություն մասին գաղափար կազմելու համար բավական է նշել, որ նրա ճառագայթած էներգիայից մեր Երկրին հասնում է միայն $\frac{1}{2200000000}$ մասը: Նրա ճառագայթած էներգիայի այդ փոքրագույն մասն այնքան մեծ է, որ դրա շնորհիվ պահպանվում է Երկրի ջերմաստիճանը: Այսուհետև հաշվումները ցույց են տվել, որ Արեգակի յուրաքանչյուր քառակուսի մետր մակերևույթին այնքան էներգիա ունի, որով կարող է անընդհատ աշխատել 85,000 ձիու ուժի կարողությունը մեքենա:

Քանի որ Արեգակի ուսումնասիրության հետ կապված մի շարք կարևոր աստրոֆիզիկական, գեոֆիզիկական և այլ գիտական հարցեր կարելի է հետազոտել միայն Արեգակի խավարումների, առավել ևս լրիվ խավարումների ժամանակ, ուստի Արեգակի յուրաքանչյուր լրիվ խավարում գիտելու համար, ինչպես ասացինք, մի քանի տարի առաջ նախապատրաստում են հատուկ սարքավորում, կազմակերպում էքսպեդիցիաներ, որոնք ուղևորվում են լրիվ խավարման վայրերը նախապես ընտրված հարմար կետերից գիտումներ կատարելու: Այստեղից հասկանալի է, թե ինչու Արեգակի խավարումները լուրջ ուշադրություն են արժանանում աստղաբաշխների կողմից:

Արեգակի լրիվ խավարումը գիտելու աշխատանքներին մասնակցում են աշխարհի գրեթե բոլոր աստղադիտարանները, բացի այդ՝ դիտումներին կազմակերպված՝ ձևով, մասնակցում են նաև աստղաբաշխության բազմաթիվ սիրողներ, որոնք գիտական նշանակություն ունեցող զգալի աշխատանք են կատարել 1936 թ. հունիսի 19-ին տեղի ունեցած Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ:

Վերջին տարիներում խավարումների ուսումնասիրություն միայն վրա խոշոր ուշադրություն են դարձնում մեր Միություն աստղադիտարանները. 1936 թվականի հունիսի 19-ին տեղի ունեցած Արեգակի լրիվ խավարումը գիտելու աշխատանքներին մասնակցել են 39 էքսպեդիցիա, որից 28-ը սովետական, 11-ը արտասահմանյան:

Այդ խավարման դիտումները հնարավորություն են տվել ուսումնասի-

րել Արեգակի արտաքին շերտերի, հատկապես արևապսակի վերաբերյալ և այլ չպարզաբանված կարևոր հարցեր:

Էքսպեդիցիանների հիմնական խնդիրներից մեկն է՝ ուսումնասիրել Արեգակի մթնոլորտի վերին շերտերը, առավել ևս արևապսակը, որը սովորական պայմաններում, այսինքն առանց խավարման մանրագնին ուսումնասիրել դեռ այժմ գրեթե հնարավոր չէ:

Լրիվ խավարման ժամանակ Լուսնի խավար սկավառակի շուրջը երևում է լուսավորված նեղ շերտ, այսպես կոչված խրոմոսֆերան: Խրոմոսֆերան տեխնոսկոպով դիտելիս երևում է բազմաթիվ կարմրավուն բոցավառ լեզվակների ձևով: Խրոմոսֆերան կարելի է ուսումնասիրել նաև առանց Արեգակի խավարման, միայն այն տարբերությունով, որ խավարման ժամանակ ուսումնասիրելն ավելի նպաստավոր է լինում: Սպեկտրալ ուսումնասիրությունը ցույց է տվել, որ խրոմոսֆերան գլխավորապես բաղկացած է ջրածնից և մասամբ էլ հելիումից ու կալցիումից:

Խրոմոսֆերայի տարբեր մասերից շատ հաճախ բարձրանում են շիկացած ջրածին և կալցիում, որոնց բարձրությունը խրոմոսֆերայի միջին մակերևույթի բարձրություն նկատմամբ բավականաչափ մեծ է:

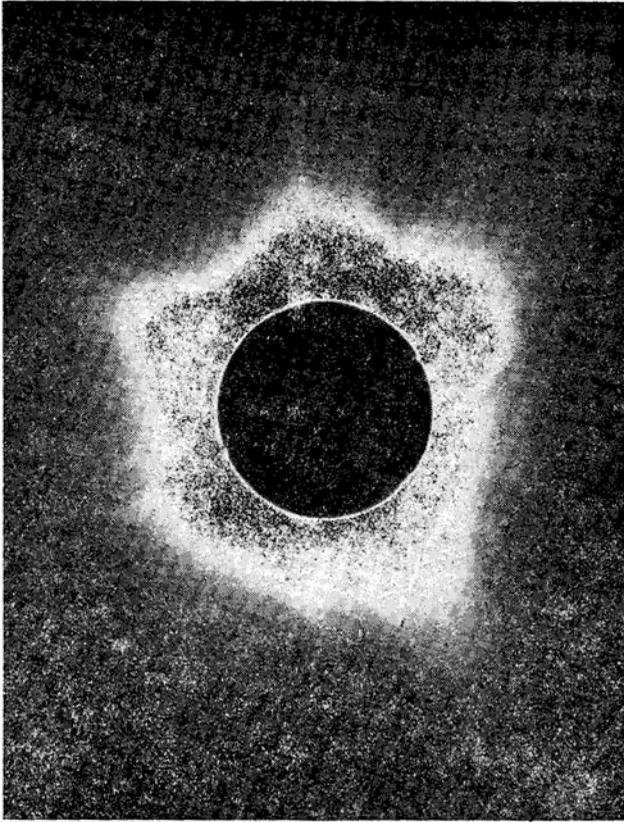
Այնուհետև խրոմոսֆերայի տարբեր տեղերից երբեմն ժայթքում են շիկացած գազային շատրվաններ, այսպես կոչված հրվիժակներ, պրոտուբերաններ, որոնց բարձրությունը հասնում է մոտավորապես 500.000—700.000 կիլոմետրի: Պրոտուբերանները լինում են տարբեր ձևերի, որոնք արագ փոփոխության են ենթարկվում: Արեգակից ժայթքող գազերը, որոնք կազմում են պրոտուբերաններ, մեկ վայրկյանում ունենում են մի քանի հարյուր կիլոմետր արագություն: Պրոտուբերանները նույնպես հիմնականում կազմված են ջրածնից և կալցիումից, հայտարարված են նաև այլ գազեր:

Լրիվ խավարման ժամանակ երբեմն պրոտուբերանները երևում են նաև հասարակ աչքով: Ինչպես խրոմոսֆերան, այնպես էլ պրոտուբերանները կարելի է ուսումնասիրել նաև առանց խավարման:

Այնուհետև, Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ դիտելու և հետազոտելու հիմնական հարցերից մեկը, ինչպես ասացինք, հանդիսանում է Արեգակի մթնոլորտի ամենավերին շերտի՝ արևապսակի ուսումնասիրությունը:

Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ, երբ նրա տեսանելի սկավառակը մեր նկատմամբ ծածկվում է Լուսնի սկավառակով, Արեգակի պայծառ մակերևույթի՝ ֆոտոսֆերայի փոխարեն տեսնում ենք Լուսնի խավար սկավառակը, որի չորս կողմում երևում է համեմատաբար թույլ պայծառությունը լուսավորված շերտ, այս շերտի պայծառությունը դեպի եզրերն աստիճանաբար աղտոտանում է և վերջը հավասարվում շրջապատի երկնքի գույնի հետ: Այդ լուսավորված շերտը կոչվում է արևապսակ: Արևապսակը, առանց լրիվ խավարման, սովորական պայմաններում, չի երևում Արեգակի ուժեղ պայծառության հետևանքով, որովհետև Արեգակի մակերևույթի (ֆոտոսֆերայի) անհամեմատ ավելի ուժեղ պայծառության ներկայությունը արևապսակի պայծառությունը նսեմանում է: Արևապսակը Արեգակի մթնոլորտի ամենաարտաքին և ամենանոսր խտություն ունեցող շերտն է, որը բաղկացած է գազերից և, հնարավոր է, նյութական շատ փոքրիկ փոշենման պինդ

մասնիկներից: Արևապսակն Արեգակի շերտերից ամենաընդարձակն է, ունի մոտ 2.000.000 կիլոմետր բարձրություն:

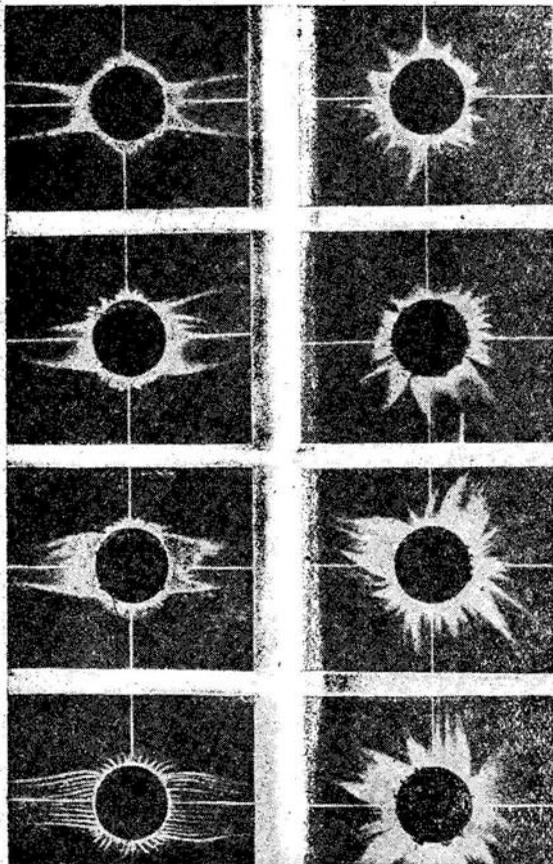
Նկ. 3. Արևապսակի լուսանկարը 1936 թ. խավարման ժամանակ

Արևապսակը նույնպես ունի անընհատ սպեկտր, այն տարբերությամբ, որ բացի անընդհատ սպեկտրից ստացվում են նաև յուրահատուկ պայծառ սպեկտրալ գծեր: Արևապսակի այդ պայծառ գծերը հայտարեբովել են դեռևս 1869 թվականին, սակայն մինչև օրս պարզաբանված չեն նրանց առաջանալու պատճառները: Ներկայումս հատուկ սարքավորում են պատրաստում լրիվ խավարումների ժամանակ ուսումնասիրելու արևապսակի վերաբերյալ վիճելի և դեռևս չպարզաբանված հարցերը:

Արևապսակը բաժանվում է երկու մասի՝ ներքին և արտաքին: Ներքին արևապսակի սահմանը սկսվում է խրոմոսֆերայից, որն իր բնույթով գրեթե նման է խրոմոսֆերայի բնույթին: Ներքին արևապսակի պայծառությունը մոտավորապես հավասար է լինում լիալուսնի պայծառության:

Արևապսակը երբեմն կարելի է տեսնել նախքան լրիվ խավարման ֆազն սկսվելը: Մթնոլորտի լավ թափանցիկության դեպքում, Լուսնի սկավառակի արևմտյան եզրում, մի քանի վայրկյան առաջ նախքան լրիվ խավարումն սկսվելը, կարելի է տեսնել արևապսակը, որի համար պետք է սև սովորաթղթով ծածկել Արեգակի լուսավոր մանգաղիկը:

Խավարումների ժամանակ կատարած դիտումների ուսումնասիրություններին պարզվել է, որ արևապսակը ձևափոխվում է սա կապված է արևաբծերի փոփոխման հետ, այսինքն՝ մաքսիմում և մինիմում բծերի ժամանակ արևապսակը տարբեր ձևեր է ունենում: Արևապսակի ձևի փոփոխությունը հայտարարում են Արեգակի խավարման ժամանակ ստացած լուսանկարներն իրար հետ համեմատելու միջոցով:

Նկ. 4. Արևապսակի ձևի փոփոխությունը՝ կախված արևաբծերի թվից: Աջ կողմի շարքում՝ նկարվածները համապատասխանում են մաքսիմում արևաբծերի ժամանակին, իսկ ձախ կողմի շարքում՝ նկարվածները՝ մինիմումի ժամանակին:

արևապսակին տվել են տարբեր գույներ: Դիտողներից ոմանք ընդունում են սպիտակ գույնի, ոմանք՝ սպիտակ-արծաթագույն և այլն: Վերջին ժամանակները, 1936 թվականի հունիսի 19-ի Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ արևապսակն ունեցել է սպիտակ բոցի գույն:

Վերջին տարիներս Լիոնին հաջողվել է արևապսակը լուսանկարել առանց խավարման: Նա նկատել է ճառագայթման մի շարք նոր դժեր, որոնք արագ կերպով փոփոխվել են: Լուսանկարել է նաև 1936 և 1937 թվական

Բացի արևապսակը լուսանկարելը, հետաքրքրական է նկարել նաև ձեռքով, երբ սկսում է երևալ հասարակ աչքով: Քանի որ լրիվ խավարումը սովորաբար շատ կարճ է տևում, ուստի նպատակահարմար է նախօրոք կապույտ թղթի վրա սև գույնով նկարել Լուսնի սկավառակը և սպիտակ փափուկ մափտով նրա շուրջը մեծ խնամքով ու արագությամբ նկարել արևապսակը, առաջին հերթին նկարելով նրա հիմնական տեսքն ու մասերը, իսկ մնացած մանրամասնությունները՝ կարելի է շարունակել նկարել նաև խավարումը վերջանալուց՝ անմիջապես հետո, թարմ հիշողությամբ: Արևապսակի գույնը նույնպես կարելի է չդիտված աչքով որոշել: Մինչև հիմա տարբեր դիտողներ ա-

ներին, տալով 4—6 ժամ էքսպոզիցիա, սակայն չի նկատել արեապսակի՝ ձևի զգալի փոփոխություններ:

Պետք է ասել, որ Արեգակի արտաքին շերտերի վերաբերյալ նշանակալից աշխատանք է կատարվել հատկապես 20-րդ դարում:

Ներկայումս Արեգակի խավարման ժամանակ առաջնակարգ հարցերի ուսումնասիրությունը տարվում է զլխավորապես սպեկտրոսկոպիկ մեթոդներով, իսկ մինչև վերջերս մեծ մասամբ տարվել է ֆոտոմետրիկ եղանակներով: Դա բացատրվում է նրանով, որ սպեկտրոսկոպիկ մեթոդներով կատարված դիտումները հնարավորություն են տալիս ավելի խորն ուսումնասիրելու Արեգակի արտաքին շերտերի բնույթը:

1941 թ. սեպտեմբերի 21-ի Արեգակի լրիվ խավարումը դիտելու համար սովետական օպտիկո-մեխանիկական գործարանները պատրաստել են ավելի կատարելագործված գործիքներ, հատկապես սպեկտրոսկոպիկ դիտումներ կատարելու համար:

Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ հիմնական պրոբլեմներից է հանդիսանում նաև Երկրի մթնոլորտի վերին շերտերի փոփոխման, յոնացման, ռադիոալիքների վրա անդրադառնալու և ընդհանրապես գեոֆիզիկական երևույթների ուսումնասիրությունը: 1936 թվականի հունիսի 19-ի Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ, որոշ էքսպեդիցիաներ նկատել են ռադիո-հաղորդման խանգարումներ, որ հավանաբար կապված են Երկրի մթնոլորտի շերտերի փոփոխման, յոնացման հետ: Այդ երևույթն ուսումնասիրելու համար հատուկ սարքավորումով ռադիո դիտումներ է կատարվելու առաջիկա սեպտեմբերի 21-ին տեղի ունենալիք խավարման ժամանակ:

Պավարման ժամանակ անհրաժեշտ է կատարել նաև Չերմաստիճանիչափում, թե որ ֆազի ժամանակ է Չերմաստիճանի մաքսիմում անկում լինում, դրա հետևանքով քամիների արաջացում և այլն: Դիտումները ցույց են տվել, որ Չերմաստիճանի ուժեղ անկում է տեղի ունենում լրիվ խավարման կամ մաքսիմում ֆազից մոտ 10—30 րոպե հետո:

Այնուհետև Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ մեծ հետաքրքրություն է ներկայացնում նաև այսպես կոչված էյնշտեյնի էֆեկտի ուսումնասիրությունը: էյնշտեյնը հարաբերականության տեսության ընդհանուր սկզբունքի հիման վրա հիմնավորել և տեսականորեն հաշվել է, որ լույսի ճառագայթն անցնելով մեծ մասսա ունեցող մարմնի մոտով, իր ճանապարհը ծոում կամ շեղում է, եթե ձգվում է այդ մարմնի կողմից: Այդ տեսակետից հարմար է Արեգակը, որպես մեծ մասսա ունեցող մարմին, թե աստղերից եկող ճառագայթները նրա մոտով անցնելիս ձգողականության ազդեցության շնորհիվ ինչքան են շեղում իրենց ճանապարհը: Ուսումնասիրությունը ցույց է տվել, որ այդ երևույթն ավելի ուժեղ է լինում, երբ աստղերից եկող ճառագայթներն ավելի մոտ են գտնվում Արեգակի մակերևույթին: էյնշտեյնի էֆեկտը հնարավոր է ուսումնասիրել միայն Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ, որովհետև Արեգակին մոտ աստղերը լրիվ խավարման ժամանակ է հնարավոր դիտել, դրա համար էլ էյնշտեյնի էֆեկտը Արեգակի խավարումների ժամանակ ուսումնասիրելու հիմնական պրոբլեմներից մեկն է հանդիսանում:

Այդ երևույթի վերաբերյալ մի քանի խավարումների ժամանակ կատարած դիտումների արդյունքը գրեթե համապատասխանել է տեսականորեն:

ստացածին, բայց 1936 թ. հունիսի 19-ի Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ կատարած դիտումների արդյունքը մոտ մեկ ու կես անգամ ավելի է ստացվել: Այս տարի խավարման ժամանակ դիտումները կատարվելու են ավելի կատարելագործված ապարատներով՝ պարզելու այդ երևույթի տեսականորեն ստացված և դիտումների միջոցով ստացած արդյունքների միջև եղած ավելի ռեալ կապը:

Այժմ Ընդհանուր գծերով նշենք այն հիմնական հարցերը, որոնք նախատեսված են ուսումնասիրել 1941 թվականի սեպտեմբերի 21-ին տեղի ունենալիք Արեգակի լրիվ խավարման ժամանակ.

1. Մրոմոսֆերայի բացարձակ սպեկտրոֆոտոմետրիան.
2. Մրոմոսֆերայի կառուցվածքը և նրա մեջ առաջացող պրոցեսները.
3. Արևապսակի սպեկտրոֆոտոմետրիան.
4. Սպեկտրոսկոպիկ մեթոդներով հետազոտել ռադիալ արագությունն արևապսակում.
5. Երկնքի և արևապսակի ամենահեռավոր մասերի սպեկտրները.
6. Արեգակի սկավառակի եզրի սպեկտրոֆոտոմետրիան.
7. Փոփոխությունը արևապսակում, նրա ինտեգրալ պայծառությունը և գույնը.
8. Երկնքի գույնը և նրա լուսավորվածությունը խավարման ժամանակ.

9. էյնշտեյնի էֆեկտը և այլն:

Ընդհանրապես Արեգակի ուսումնասիրությունը, առավելապես լրիվ խավարման ժամանակ, հնարավորություն է տալիս ավելի լայն հասկացողություն կազմել Արեգակի ֆիզիկայի և Երկրի մթնոլորտի մասին: Բավական է հիշատակել, որ հելիումը նախ հայտարեղել են Արեգակի վրա և հետո Երկրի վրա:

ԲՈՎԱՆԴԱՎՈՒԹՅՈՒՆ

Содержание

	Стр. էջ
1. Всем армянам зарубежных стран	3
<i>Արտասահմանյան երկրների բոլոր հայերին</i>	<i>3 —</i>
2. Армянский народ—боевой участник освободительной войны Советского Со- юза („Правда“)	7
<i>Հայ ժողովուրդը Սովետական Միության ազատագրական պատերազմի մարտական մասնակիցն է («Պրավդա»)</i>	<i>7 —</i>
3. Гурген Овнан — Россия и армянская культура	9
<i>Գ ու ռ գ ե ն Ն ո վ ն ան — Ռուսաստանը և հայկական կուլտուրան</i>	<i>9 —</i>
4. С. Еремян — Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов	33
<i>Ս . Ե ռ ե մ յ ան — Սյունիքը և կովկասյան լեռնանցքների պաշտպանութիւնը Սասանյանների կողմից</i>	<i>33 —</i>
5. Է. Գ. Թ ո ֆ չ յ ան — Ֆաշիզմի համակենտրոնացման ճամբարներում	41
<i>Է ժ . Թ ո լ չ յ ան — В концентрационных лагерях фашизма</i>	<i>41</i>
6. Проф. Л. А. Иоаннисян — Медицина в Армении в древнейшие времена	47
<i>Պ ռ ո ֆ . Լ . Ա . Ի ո ղ յ ան և Ի ո յ ան — Բժշկականութիւնը Հայաստանում հնա- գույն ժամանակներում</i>	<i>47 —</i>
7. X. Саркисян — Новая армянская поэзия на рубеже XIX и XX столетий	61
<i>Խ . Ս ար գ ո յ ան — Հայկական նոր պոեզիան XIX դ. վերջին և XX դ. սկզբին</i>	<i>61 —</i>
8. М. Т. Дангян — Реакция брома и железа со спиртами	81
<i>Մ . Տ . Դ ան դ յ ան — Բրոմի և երկաթի սեպտիան սպիրտների հետ</i>	<i>81</i>
9. Հ. Բ ա դ ա լ յ ան — Արեգակի լրիվ խավարումը 1941 թ. սեպտեմբերի 21-ին	85
<i>Դ . Բ ավ ա լ յ ան — Полное солнечное затмение 21-го сентября 1941 г.</i>	<i>85</i>